

Украинскій

Вѣстникъ

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

СОДЕРЖАНІЕ

Цѣна 20 коп.

Задачи „Украинскаго Вѣстника“. Национальный вопросъ и автономія проф. *М. Трушевскаго*.
Что такое національность? проф. *Овсянко-Хуликовскаго*.
По вопросу объ автономіи и исправленіи національностей проф. *Бодуэнь-де-Куртене*.
Имперія народовъ *М. Славикскаго*.
Позорной памяти... проф. *М. Трушевскаго*.

Соціаль-демократія и украинскій вопросъ. *А. Т.*
Украинскій Вѣстникъ *С. Русова*.
Украинская пресса *Л. С.*
На пути освобожденія *Spectator*.
Замѣтки: Два памятника Шевченку *П. С.*; Слово Божіе подъ спудомъ *К. Лотоцкаго*; О союзѣ автономистовъ *И. Шрага*; Украинскій парламентскій клубъ *Билоусенка*.

№ 1

21-го Мая 1906 г.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., Большоу пр., д. 6
(„Литературная Книжница Лавиа“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ТРИЛОГИЮ“ Д. С. МЕРЕЖКОВЕКАГО

подъ названіемъ „ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ“,
состоящую, изъ трехъ частей:

- 1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ).
- 2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи).
- 3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Первая часть выйдетъ въ апрѣлѣ, вторая—въ маѣ и третья—въ іюнѣ, въ двухъ изданіяхъ—простомъ и изящномъ. Цѣна по подпискѣ на всю „Трилогию“ въ простомъ изданіи—4 р. 50 к., въ изящномъ—7 р. 50 к. При подпискѣ вносится 2 р. (на изящное изд., 3 р.) и къ 1 апрѣля остальные 2 р. 50 к. (на изящное изд. 4 р. 50 к.).

По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- 1) **МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.** Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго 1 р. 25 к.
- 2) „ **Грядущій Хамъ.** *Содержаніе:* 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—3) Теперь или никогда.—4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религіозномъ дѣйствиіи. 1 р.
- 3) **ЩАПОВЪ, А. П.** Сочиненія. 2-й томъ Ц. 2 р. 50 к.
- 4) **БУРКГАРДТЪ, ЯКОВЪ.** Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Въ 2 томахъ. Переводъ *С. Брилліанта* съ 8-го изданія, переработаннаго *Людвигомъ Гейгеромъ.* Цѣна за оба тома 5 р.
- 5) **РОЗАНОВЪ, В.** Около церковныхъ стѣнъ. Томъ 2-й Ц. 2 р.
- 6) „ **Ослабнувшій фетишъ.** (Психологическіе основы русской революціи) Ц. 20 к.
- 7) **СЕРРЕ. (J.—A.).** Дополненіе къ „Теоріи круговыхъ функций“. 50 к.
- 8) **КЕННАНЪ, ДЖОРЖЪ.** Сибири! Томъ I. Перев. съ нѣм. безъ всякихъ сокращеній. 75 к.
- 9) **ВОЙТИНСКИЙ, Вл.** Рынокъ и цѣны. *Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго.* 2 р.
- 10) **РОЙТМАНЪ, Дм.** Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. 50 к.

Поступила на екладъ только-что вышедшая книга:
ХАРРАДЕНЪ, БЕАТРИССА. Корабли, проходящіе ночью. Переводъ съ англ. *Л. Сердечной.* Изданіе Е. В. Кечеджи-Шаповаловой. 60 к.

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсяннико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

21-го Мая 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 1

Редакція № закончена 19 Мая

Задачи „Украинскаго Вѣстника“.

Въ революціонномъ движеніи, которое переживаютъ нынѣ народы Россіи, самый поверхностный анализъ обнаруживаетъ три переплетающихся между собою фактора: политическій, соціально-экономическій и національный. Размежевать и опредѣлить силу и значеніе каждаго изъ этихъ факторовъ можно, конечно, лишь примѣрно, для удобства разсмотрѣнія вопроса; въ реальной дѣйствительности они нераздѣлимо связаны между собою, какъ корни, стволъ и листья въ деревѣ. Особенно трудно выдѣлить и учесть силу и значеніе національнаго фактора. Трудность эта велика не столько для ученаго, у котораго есть для этого готовая схема и готовый читатель, сколько для публициста, имѣющаго въ виду читающаго російскаго гражданина.

Объясняется это условіями развитія общественной и политической мысли въ Россіи. Борьба за введеніе дѣйствительныхъ конституціонныхъ свободъ и учреждений на демократическихъ основахъ началась въ Россіи не совчерашняго дня. Вся русская передовая публицистика не знала иного служенія, кромѣ служенія идеалу свободы, чуждалась иныхъ обобщеній, кромѣ обобщеній демократическаго порядка. Даже вчерашній „рабій“ языкъ журналистики дышалъ свободой, звалъ и увлекалъ къ демо-

кратическому будущему. Тѣмъ же путемъ шло и органическое развитие русскойхудожественной литературы, которая чуждалась такъ называемаго чистаго искусства и шла тропой освободительной. Русская общественная и политическая мысль неизмѣнно питалась здоровой пищей демократической идеологіи, и когда созрѣлъ часъ дѣйствія, демократическіе принципы стали руководящими при образованіи политическихъ партій, при разработкѣ ихъ программъ. Давно-жданный, ставшій нынѣ фактомъ распадъ государственныхъ формъ не засталъ врасплохъ русскаго гражданина, у него оказался готовымъ политической фундаментъ и полный планъ для постройки новаго, свободнаго, демократическаго государственнаго зданія. Выборы въ Государственную Думу и дѣйствія самой Думы—лучшее тому доказательство.

Въ иномъ положеніи находится дѣло конструированія національнаго вопроса. Прочнаго воспитанія въ этомъ отношеніи у россійскаго обывателя нѣтъ и не могло быть потому, что русская общественная и политическая мысль мало занималась національнымъ вопросомъ, и еще потому, что сама жизнь мало и не въ полномъ объемѣ демонстрировала этотъ вопросъ.

Для русскаго, выражаясь точнѣе, великоросса, не было никакой непосредственной, лично его касающейся нужды дебатировать и разрѣшать этотъ вопросъ. Его національное самочувствіе угнетаемо никогда не было; его національному самоопредѣленію предоставлялся огромный просторъ; его національному, развитію ставились преграды исключительно политическаго характера. Онъ больно чувствовалъ эти преграды, но своей національности не замѣчалъ и не чувствовалъ такъ же, какъ не замѣчаютъ люди нормальнаго воздуха, здоровыхъ органовъ и проч.

Если бы вся Россія по населенію состояла изъ одной

національности, волна освободительнаго движенія прокатилась бы по ней, не затронувъ даже и косвенно національнаго вопроса. Но Россія этнографически не однородна, и господствующая національность ея—великорусская—не обнимаетъ, по количеству своихъ представителей, и половины всѣхъ жителей Имперіи. И потому теперь, когда настало время говорить всѣмъ и дѣйствовать всѣмъ, національные вопросы, рядомъ съ другими, стали на очередь дня. Каждая національность предъявила счетъ своихъ національныхъ нуждъ, своихъ неотложныхъ національныхъ требованій.

Русскія демократическія партіи разрѣшили этотъ вопросъ въ духѣ истинной природы демократизма. Исходя изъ положенія, что понятіе національной свободы входитъ въ понятіе политической свободы, какъ ея первое, необходимое производное, онѣ поставили въ своихъ программахъ тезисъ, по которому будущая демократическая Россія наряду съ обезпеченіемъ свободы личности должна обезпечить и свободу національную. Выставляя этотъ тезисъ, демократическія партіи остаются вѣрны самимъ себѣ, вѣрны своей борьбѣ за будущую великую, свободную, демократическую Россію. Признавая за національностями право на полное самоопредѣленіе, они отказываются лишь отъ застарѣлой язвы самодержавнаго режима: отъ политики обрусѣнія. Указывая на необходимость созданія въ будущемъ широкихъ національныхъ и областныхъ автономій, русская демократія лишь углубляетъ основное понятіе о національномъ самоопредѣленіи, попутно отказываясь отъ другой язвы, созданной тѣмъ же режимомъ: отъ централизма.

Но удовлетвореніе національныхъ нуждъ дѣло новое для русской демократіи и ея представителей въ Государственной Думѣ и внѣ ея. Широкою массу гражданъ жизнь еще не научила разбираться въ этихъ вопросахъ

и она рѣшаетъ ихъ неувѣренно и неравномѣрно по отношенію къ той или иной національности. Событія послѣднихъ лѣтъ указали русскому обществу, что автономная Финляндія была страной образцовой легальности и образцоваго спокойствія, и что въ той же Финляндіи, при первыхъ же рѣзкихъ обрусительныхъ и централистическихъ попыткахъ, какъ реакція, начались политическія убійства, весь народъ, какъ одинъ человекъ, поднялся, грозя возстаніемъ; что въ Польшѣ та же политика централизма и обрусѣнія зажгла зарево бунта; что аналогичныя явленія наблюдались на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и на Украинѣ, — и русское общество въ лицѣ демократическихъ партій поняло, что отъ этой политики надо отказаться, ибо она сѣетъ вѣтеръ и бурю и пожинаетъ недобрые плоды.

Широкіе круги, однако, поняли это, такъ сказать, предметно, фактически и не возвели этого пониманія къ принципу. Поэтому, на примѣръ, сужденія о свободномъ самоопредѣленіи украинскаго народа и объ автономіи въ предѣлахъ территоріи, населенной украинскимъ племенемъ, встрѣчаются иногда съ недоумѣннымъ колебаніемъ и нерѣшительностью у людей, демократическое настроеніе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Причина этому кроется въ исторической и бытовой неосвѣдомленности російскаго обывателя, нынѣ—гражданина.

Разсѣять это колебаніе и эту неосвѣдомленность, прояснить украинскій національный вопросъ съ исторической, бытовой, соціальной и экономической стороны; указать мѣсто и значеніе Украины среди другихъ областей новой демократической Россіи, — способствовать справедливому рѣшенію національнаго и областнаго вопроса вообще, — вотъ въ чемъ видитъ свою задачу редакція „Украинскаго Вѣстника“. Мы выступаемъ не подъ флагомъ національной исключительности, намъ дороги

чистые принципы демократіи, внѣ которыхъ нѣтъ и правильного національнаго развитія. Идеаль, которымъ мы руководимся въ нашей работѣ, состоитъ въ томъ, чтобы въ свободномъ, демократическомъ государственномъ союзѣ, въ который рано или поздно превратится бывшая самодержавная, централистическая Россія, осуществлено было не только равенство гражданъ, но и равенство народовъ. Демократія и автономія — наше знамя, и подъ этимъ знаменемъ, — мы вѣримъ, — объединятся, — какъ равные съ равными, какъ вольные съ вольными, — всѣ народы Россіи.

Жаціональхый вопросъ и автохонія.

Еще нѣсколько дней, и съ трибуны перваго парламента Россіи, вслѣдъ за требованіемъ матеріальнаго устройства рабочихъ крестьянскихъ массъ и обезпеченія основныхъ правъ гражданскаго существованія челоуѣка какъ личности, властно раздастся требованіе свободы и самоопредѣленія для одной изъ наиболѣе важной категоріи его общественнаго существованія—національной и національно-территориальной. Тѣ чаянія и ожиданія, которыя при всякомъ проблескѣ ослабленія стараго бюрократическаго режима поднимались среди угнетенныхъ народностей Россіи, будутъ, наконецъ, воплощены въ правомѣрное требованіе закономѣрнаго опредѣленія и огражденія ихъ правъ на свободное существованіе и развитіе.

Годъ тому назадъ этотъ постулатъ негосударственныхъ народностей Россіи былъ поставленъ съ полной опредѣленностью на одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ ея предварительныхъ сѣздовъ—представителей общественной мысли и общественной совѣсти: на весеннемъ сѣздѣ журналистовъ и ученыхъ, признавшихъ необходимымъ проводить въ сознаніе всего населенія принципъ полнаго равноправія всѣхъ народностей и ихъ права на культурное и политическое самоопредѣленіе и развившемъ это понятіе самоопредѣленія народностей въ требованіе децентрализаціи государственнаго устройства Россіи съ предоставленіемъ отдѣльнымъ народностямъ, заселяющимъ опредѣленныя части государственной территоріи, права на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ органическимъ статутомъ. Сознвая, однако, что понятіе національнаго равноправія и необходимости культурнаго и общественнаго самоопредѣленія національностей не достаточно ясно и опредѣленно сознаются широкими кругами населенія Россіи, стоящими внѣ

сферы такихъ національныхъ стремленій, упомянутый съѣздъ вмѣстѣ съ пожеланіями, обращавшимися по адресу будущихъ строителей Россіи, возложилъ на своихъ сочленовъ обязанность проводить въ сознаніе всего населенія этотъ принципъ признанія за народностями Россіи права на самоопредѣленіе, чтобы приготовить населеніе къ справедливому и разумному разрѣшенію національнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эта обязанность была принята и соотвѣтствующимъ образомъ исполнена тѣми, къ кому обращался этотъ призывъ. Занятая организаціею общественныхъ силъ Россіи для борьбы съ бюрократическимъ самовластіемъ, обративъ свою энергію на достиженіе основныхъ правъ гражданской жизни и политическаго самоуправленія, печать въ дѣйствительности часто склонна была отодвигать національный вопросъ, чтобы не слишкомъ загромождать этотъ передній планъ сцены, на которой начиналъ совершаться первый актъ настоящей борьбы общества съ самовластіемъ. Въ стремленіяхъ упростить политическую перспективу для общества, эта потребность въ приготовленіи общественнаго сознанія къ неотложному рѣшенію національнаго вопроса Россіи, намѣченная представителями ея печати, удовлетворялась слабо, хотя была, несомнѣнно, вполне реальна и настоятельна.

Что вообще національный вопросъ въ прогрессивныхъ кругахъ великорусскаго общества, задававшихъ тонъ освободительному движенію, не пользовался симпатіями, это фактъ, котораго нѣтъ надобности скрывать. Не говоря о старыхъ марксистскихъ взглядахъ на національный вопросъ какъ явленіе реакціонное, свойственное только буржуазному обществу,—въ глазахъ представителей прогрессивныхъ теченій понятіе національности слишкомъ часто компрометировалось формулами официальной народности, фактами шовинистическаго націонализма, націоналистическаго обскурантизма и нетерпимости. Наиболѣе же сильное вліяніе имѣло тутъ то обстоятельство, что великорусское общество не прошло стадіи національнаго вопроса для себя самого. Выраженіе „господствующая народность“, конечно, звучитъ очень фальшиво въ приложеніи къ старому режиму, державшему всѣ народности Россіи въ подслѣдственномъ состояніи, но все же великорусская народность (одна изъ всѣхъ многочисленныхъ народностей Россіи) не терпѣла національныхъ

стѣсненій, которымъ были подвержены прочія народности, и, по пословицѣ „сытый голоднаго не разумѣть“, не оцѣнивала вполнѣ стихійной силы, жгучести и остроты національнаго вопроса, которую имѣетъ онъ для другихъ народностей Россіи.

Въ результатѣ, среди прогрессивной великорусской интеллигенціи наблюдается, если не просто непріязненное, то презрительно-снижательное отношеніе къ національному вопросу, какъ къ чему-то запоздалому, отсталому, реакціонному, недостойному „просвѣщеннаго вѣка и просвѣщеннаго человѣка“, и среди выдвигаемыхъ ею проектовъ и плановъ національный вопросъ сплошь да рядомъ игнорируется совершенно, или дѣлаются исключенія для той или другой національности, но упускается національный вопросъ въ его цѣломъ — интересы всего угнетеннаго населенія Россіи. Къ этому присоединяется и то, что хотѣли устранить представители печати въ своихъ прошлогоднихъ резолюціяхъ призывомъ къ проведенію въ сознаніе массъ населенія правильныхъ представленій о національномъ вопросѣ и его разрѣшеніи—ссылки на непониманіе и враждебное отношеніе среди населенія (крестьянскаго и мѣщанскаго) къ требованіямъ національной равноправности, національнаго самоопредѣленія, національно-территоріальной автономии и т. д. Ссылки эти въ дѣйствительности должны были послужить не мотивомъ къ обходамъ національнаго вопроса, а стимуломъ къ популяризаціи правильныхъ понятій о важности его и способахъ разрѣшенія. Вѣдь въ средѣ тѣхъ же массъ можно встрѣтиться съ безучастіемъ или оппозиціей и по цѣлому ряду другихъ вопросовъ, которые, однако, вслѣдствіе этого не снимались съ очереди, а подвергались усиленному и всестороннему освѣщенію, если считались существенными и неотложными (вспомнимъ хотя бы выясненіе вопроса, что разрѣшеніе аграрнаго вопроса не можетъ улучшить положеніе крестьянъ безъ гарантій гражданскихъ правъ и представительнаго строя). Нѣтъ причинъ уклоняться предъ такою обязанностью и по отношенію къ національному вопросу.

Я не имѣю намѣренія писать апологію національности какъ необходимой, т. е. неизбѣжной, неустранимой формы, въ которой проявляется развитіе человѣчества; напоминать, что вслѣдствіе этой неизбѣжности всякаго рода ограниченія

одной національности имѣютъ своимъ результатомъ развитіе за ея счетъ другой національности, а не какихъ-либо внѣ-національныхъ формъ; что, являясь прежде всего формой, она вовсе не предрѣшаетъ содержанія, заключаемаго этой формой, и, не сочувствуя націоналистическимъ крайностямъ, можно и должно стремиться къ тому, чтобы эта форма имѣла болѣе достойное содержаніе, а не отрицать самую форму, и т. д. Я хочу только припомнить, что, даже принимая національность за низшую форму, въ которую укладываются отношенія человѣчества, необходимо считаться съ фактомъ, что миллионы людей мыслятъ и чувствуютъ эти отношенія въ этой формѣ, и, устанавливая *modus vivendi* будущаго, нужно принимать въ соображеніе и свободу самоопредѣленія съ національной точки зрѣнія для народностей, входящихъ въ составъ государства. Такъ точно, какъ не придавая значенія конфессіональнымъ различіямъ, въ основу гражданскаго порядка мы кладемъ также полную свободу религіознаго самоопредѣленія. И какъ единственнымъ средствомъ иммунизации религіозныхъ различій, устраненія религіозныхъ раздоровъ и вреднаго вліянія ихъ на общественныя и политическія отношенія остается признаніе полной религіозной свободы и равноправія, такъ и устранить „національные вопросы“, освободить культурное и экономическое развитіе общественныхъ и политическихъ отношеній отъ національныхъ усложненій возможно лишь, предоставивъ отдѣльнымъ народностямъ возможность полнаго свободнаго развитія.

Но эта возможность не осуществляется голословнымъ признаніемъ права національностей на свободное развитіе вродѣ пресловутаго § 19 австрійской конституціи, признающаго равныя права за всѣми народностями, между тѣмъ какъ на практикѣ эти права сводятся къ формуламъ: а ну-ка попробуй „вырви, если хочешь имѣть“, какъ формулировалъ отношенія народностей одинъ откровенный національ, просвѣщавшій меня на первыхъ порахъ моего знакомства съ практикою австрійской конституціи. Конституціонныя формы даютъ если не возможность, то, по крайней мѣрѣ, иллюзію возможности этого вырванія, и оно дѣйствительно сдѣлалось руководящимъ мотивомъ внутренней жизни Австріи въ послѣднія десятилѣтія, парализовавъ національною борьбою экономическое, культурное и общественное развитіе страны. Если свобода національнаго самоопредѣленія

является интегральною составною частью правъ личности, то возможность національнаго самоопредѣленія личности, возможность національнаго развитія одними гарантіями правъ личности не обезпечивается. Политическую свободу нерѣдко пробуютъ соединить съ усиленнымъ покровительствомъ господствующей національности, граничащимъ съ подавленіемъ всѣхъ прочихъ народностей; конституціонный строй, радикальный республиканизмъ и социальный радикализмъ могутъ соединяться на практикѣ съ непризнаніемъ или игнорированіемъ возможности свободнаго національнаго развитія для извѣстныхъ народностей, входящихъ въ составъ государства.

Конечно, если при этомъ приходится подавлять стремленія негосударственныхъ народностей силою запрещеній или цѣлою системою національной политики,—неизбѣжно искажается весь государственный строй. Нельзя воспитать въ обществѣ и въ правительствѣ чувство справедливости и законности, если эта справедливость и законность простираются только до извѣстной черты, за которою начинается гнетъ и безправіе. Искренніе друзья обновленія Россіи, конечно, не будутъ сознательно стремиться къ такому порядку, который, признавая политическія и гражданскія права населенія, будетъ подавлять національную жизнь всѣхъ народностей, кромѣ господствующей—великорусской, и замѣнивъ централистическій бюрократическій строй централистическимъ строемъ конституціоннымъ, будетъ и впредь держать въ состояніи національнаго угнетенія всѣ или хотя бы нѣкоторыя народности. Нельзя сохранить полной свободы для себя, ограничивая чужую свободу, и тюремщикъ—такой же невольникъ своей тюрьмы, какъ и заключенный въ ней узникъ. Гнетъ національный, или какой-либо другой, въ государствѣ, будетъ ли оно бюрократическимъ или конституціоннымъ, можетъ быть проводимъ только при полицейско-милитаристическомъ строѣ, и, конечно, о подобныхъ вещахъ искренніе друзья свободы не мечтаютъ. Но иное дѣло не стремиться къ созданію господства одной національности въ государствѣ и подавленію прочихъ, иное дѣло—создать такія условія, въ которыхъ народности государства получили бы возможность своего національнаго развитія и не были бы въ немъ стѣсняемы.

Простой и рациональный, кажется—единственно рациональ-

ный путь къ созданію этихъ условій указываютъ принципы, выдвинутые въ упомянутой, старой резолюціи представителей печати: широкая децентрализація государства и организація самоуправленія въ національныхъ территоріяхъ, опредѣляемыхъ ихъ національными границами. Только эти мѣры могутъ иммунизировать національный вопросъ, свести его если не на-нѣтъ, то до весьма небольшихъ размѣровъ, въ которыхъ его разрѣшеніе не будетъ представлять, при такой принципиальной постановкѣ вопроса, уже никакихъ затрудненій. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и предоставленіемъ ей широкаго самоуправленія, національность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устроеніе экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нѣчто само собою подразумѣваемое, никакихъ особыхъ соображеній не требующее, въ простую почву для усовершенствованія этихъ экономическихъ и культурныхъ отношеній. Какъ всѣ такія стихійныя категоріи человѣческой жизни, она исчезаетъ изъ обихода, какъ только исчезаютъ стѣснявшія ее условія. Перефразируя извѣстное изреченіе польскаго поэта, можно сказать, что національность, подобно здоровью, заставляетъ собою заниматься тогда, когда въ немъ чувствуются стѣсненія и недостатки, когда нѣтъ для національности свободы существованія и развитія.

Поэтому, одинъ изъ первыхъ основныхъ законовъ новаго порядка долженъ установить, какъ общую норму, — самоуправленіе національныхъ территорій вездѣ, гдѣ извѣстная національность является преобладающей на нѣкоторой сплошной территоріи, опредѣляемой національными границами и достаточной для организаціи на ней областного самоуправленія. Такой минимумъ, впрочемъ, нѣтъ нужды поднимать высоко, такъ какъ мы не видимъ, чтобы небольшія самоуправляющіяся провинціи въ разныхъ странахъ терпѣли какія-либо существенныя неудобства отъ своихъ малыхъ размѣровъ. Другой такой основной законъ долженъ опредѣлить права національныхъ элементовъ, составляющихъ меньшинство населенія или заселяющихъ территоріи съ смѣшаннымъ населеніемъ, не поддающіяся размежеванію. Установленіе невысokaго минимума для національныхъ территорій и тщательное установленіе національныхъ границъ въ весьма значительной степени сократятъ пространство такихъ смѣшанныхъ территорій, составляющихъ принадлежность нынѣ-

шнихъ административныхъ подраздѣленій, болѣе или менѣе случайнаго происхожденія.

Я обращаю особенное вниманіе на необходимость всеобщности такого закона: онъ долженъ обнимать всѣ народности. Нѣтъ совершенно никакихъ разумныхъ и справедливыхъ основаній дѣлать выборъ между народностями, требовать отъ нихъ какой-либо культурной или исторической метрики, или обусловливать предоставленіе національной автономіи особеннымъ напряженіемъ національныхъ стремленій, которое становилось бы опаснымъ для интересовъ государства.

Если мы настаиваемъ на необходимости полнаго равноправія гражданскаго и политическаго для всѣхъ, безъ различія культурнаго и экономическаго ценза, возраста, историческихъ и культурныхъ традицій; если такой же равноправности мы требуемъ для всѣхъ религіозныхъ исповѣданій, не ставя для нихъ никакихъ критеріевъ цѣнности, традиціонности, напряженности, то какъ можно дѣлать какія-либо принципиальныя различія относительно такой стихійной формы человѣческаго существованія, какъ національность? Кто присвоить себѣ право выдавать свидѣтельство на право національнаго самоопредѣленія? Кто дерзнетъ ставить отмітки національной самодовлѣемости данной народности? Конечно, никто не можетъ претендовать на такія компетенціи. Всякая народность—отъ самыхъ большихъ, какъ свыше двадцатипятимилліонная украинская и десятимилліонная польская, и до небольшихъ, насчитывающихъ нѣсколько сотъ или даже нѣсколько десятковъ тысячъ,—независимо отъ того, располагаетъ ли она историческими актами вродѣ акта присоединенія Украины къ Москвѣ, или присоединенія Грузіи къ Россіи, достигла ли она вершинъ культурности или только двигается къ нимъ,—должна получить полную возможность развитія на своемъ національномъ основаніи.

Принятіе рѣзкой напряженности національныхъ стремленій за условіе признанія національныхъ правъ, національной территоріальной автономіи напомнило бы примитивную медицину добраго стараго времени, не знавшую гигиены и профилактики и считавшую нужнымъ заниматься только „опасными“, рѣзко выраженными болѣзнями, свидѣтельствующими о полномъ разстройствѣ и извращеніи нормальныхъ функций организма. „Мудрые правители“, начинающіе

думать о томъ, что нужно „что-нибудь сдѣлать“ для національныхъ требованій, когда неудовлетворенность національныхъ требованій, раздраженіе, причиняемое населенію, на этой почвѣ, выводитъ изъ естественныхъ границъ національныя чувства, создаетъ гипертрофію націонализма и заставляетъ развивать свою энергію въ сферѣ національныхъ стремленій за счетъ другихъ, болѣе положительныхъ сторонъ общественнаго развитія, — конечно, не соблазнять своею мудростью людей, вдумчиво относящихся къ условіямъ этого послѣдняго. Это тѣ же мудрецы, которые считаютъ нужнымъ что-нибудь сдѣлать для народа не прежде, чѣмъ этотъ народъ теряетъ всякое терпѣніе и довѣріе къ „попечительной власти“. Но, въ сущности, не въ этомъ ли направленіи шли и идутъ даже въ настоящую минуту многіе руководящіе представители и органы освободительнаго движенія, рекомендующіе не выдвигать національнаго вопроса вообще и, въ частности—вопроса о національно-территориальномъ самоуправленіи теперъ, а отложить его на неопредѣленное время, различать тѣ требованія автономіи, которыя диктуются „национальнымъ инстинктомъ“, отъ тѣхъ которыя исходятъ не изъ внушенія националистическихъ страстей, а отъ признанія національно-территориальной автономіи одною изъ основъ нормальнаго государственнаго строя, и обусловливать напряженіемъ этого „национальнаго инстинкта“, наличностью „большой агитаціи“ ясно выраженнымъ „желаніемъ самого населенія“? Настаивая на томъ, что національный вопросъ не долженъ становиться на дорогѣ къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ политическаго, общественнаго и экономическаго строя, они очевидно не сознаютъ, что такой постановкою національнаго вопроса они именно муссируютъ національные вопросы, заставляють всѣ тѣ элементы, для которыхъ рядомъ съ вопросами политическаго, общественнаго и экономическаго порядка существуетъ и вопросъ національный, дѣлить свою энергію между защитою первыхъ и послѣдняго и развертывать свой фронтъ не только по отношенію централизма справа, но и централизма слѣва.

Одно изъ двухъ: или стоять на точкѣ зрѣнія, признающей національныя стремленія, национальное самоопредѣленіе явленіемъ вреднымъ, считать автономный принципъ также явленіемъ отрицательнымъ, ядомъ, который можно отпустить только въ исключительныхъ случаяхъ и въ возможно

небольшихъ дозахъ, и тогда дѣйствовать по отношенію къ различнымъ національностямъ принципомъ *divide et impera*: стараться объяснить однимъ, что они легче достанутъ исключительныя національныя права, требуя ихъ для себя однихъ, нежели связывая свои требованія съ требованіями другихъ народностей, другимъ толковать, что они могутъ получить существенныя уступки, не подымая вопроса о національной автономіи и т. под. Или признавать автономный строй, принципъ широкаго самоуправленія національныхъ территорій необходимымъ основаніемъ успѣшнаго культурно-экономическаго и политико-общественнаго развитія для государства такого разноплеменнаго состава какъ Россія—и проводить его какъ одно изъ основаній ея обновленнаго политическаго строя, не ожидая вспышекъ „національнаго инстинкта“, ни плебисцитовъ населенія. Думаю, что для людей, оцѣнивающихъ сколько нибудь значеніе національнаго элемента въ жизни человѣческаго общества нѣтъ мѣста для колебаній: нужно сдѣлать теперь же все возможное для устраненія національнаго тренія, создать условія для развитія національнаго самоопредѣленія внѣ конфликтовъ съ развитіемъ общихъ задачъ политическаго и общественнаго устройства.

Принципъ территоріально-національной автономіи долженъ быть принятъ въ ряду другихъ основаній новаго государственнаго строя. Для ея осуществленія національный принципъ долженъ быть положенъ въ основу всѣхъ территоріально-общественныхъ организацій, начиная съ сельской общины и далѣе—въ основу мелкой земской единицы, всякаго рода избирательныхъ округовъ и провинціальныхъ подраздѣленій—насколько хватить данной этнографической территоріи и національной массы для этихъ округовъ и подраздѣленій. И разъ она достигаетъ того минимума, который можетъ быть признанъ достаточнымъ для образованія самоуправляющейся національно-территоріальной области, то и долженъ быть организованъ для нея подобный порядокъ самоуправленія.

На вопросъ, какъ широко должно быть самоуправленіе этихъ національныхъ областей—на этотъ вопросъ, разумѣется, можетъ быть только одинъ отвѣтъ—какъ можно шире! Старый режимъ старался обезпечить единство государства силою принужденія; новый долженъ имѣть въ виду

силу внутренняго сцѣпленія и дать возможный просторъ развитію народностей и областей въ единствѣ государства; въ этомъ единственный залогъ прочнаго сохраненія этого единства. И въ интересахъ его, въ интересахъ претворенія механическаго конгломерата, сдерживаемаго единственно внѣшнею силою, въ настоящій государственный организмъ, связанный общностью интересовъ своихъ составныхъ частей нужно съ самаго начала стать на вѣрный путь, не тратя драгоцѣнной энергіи на національное треніе, не заставляя интеллигентное и сознательное меньшинство народностей тратить время и энергію на усилія къ достиженію возможности національнаго развитія, на организацію для національной борьбы народныхъ массъ и неизбѣжное съ этою дѣятельностью развитіе національнаго шовинизма, никому нежелательнаго. Эта энергія нужна для обновленія общественныхъ отношеній, для культурнаго и экономическаго развитія, и грѣшно направлять ее на національную борьбу, тратить на національную пропаганду. А отсрочивать проведеніе національнаго самоуправленія или ограничивать его лишь нѣкоторыми народностями на первый разъ, повторяю,—равносильно призыву къ національной борьбѣ, грозящей затормозить прогрессивное движеніе всего государственнаго строя и его обновленіе...

Печать, трудящаяся для проведенія въ общее сознание принциповъ освобожденія и принявшая полгода тому назадъ обязанность „проводить въ сознание всего населенія“ принципъ признанія за каждой народностью „права на самоопредѣленіе“, должна исполнить этотъ лежащій на ней долгъ и энергичнѣе проводить въ общественное сознание эту идею. Много дорогого времени прошло безъ ощутительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, и тѣмъ болѣе нужно энергіи и доброй воли, чтобы наверстать это потерянное время.

Проф. Мих. Грушевскій.

Что такое национальность?

I.

Всѣ наши прогрессивныя партіи включили въ свои программы параграфъ, гласящій, что всякая національность имѣетъ право существовать и развиваться и должна быть гарантирована закономъ отъ всякихъ посягательствъ на нее. Настаивать на этомъ нѣтъ болѣе надобности. Но одно дѣло—признать правоту извѣстнаго положенія, и другое дѣло—провести его въ жизнь. Вотъ именно проведеніе въ жизнь принципа, гласящаго, что украинская національность, на ряду со всякой другой, имѣетъ право существованія, развитія и самоопредѣленія, и составляетъ одну изъ главныхъ задачъ „Украинскаго Вѣстника“. Могутъ возразить мнѣ, что проводить тотъ или другой принципъ въ жизнь это — задача не органа печати, а Госуд. Думы, правительства, земствъ, городскихъ управленій. На это я отвѣчу, что въ вопросѣ о національныхъ правахъ литература и періодическая печать могутъ и должны сыграть свою роль, сводящуюся не только къ разработкѣ подробностей этого вопроса, но, что гораздо важнѣе, къ тому, чтобы вырастить въ умахъ широкихъ круговъ населенія *правильныя понятія* о національности, какъ явленіи культурно-психологическомъ, о ея правахъ и обязанностяхъ, о ея этикѣ и ея эстетикѣ (ибо національность принадлежитъ къ числу тѣхъ культурно-психологическихъ явленій, которыя имѣютъ свою этику и эстетику). Выращивать эти понятія, распространять ихъ — задача не изъ легкихъ. Здѣсь придется идти противъ глубоко-укоренившихся предрассудковъ, противъ устарѣлыхъ и негодныхъ идей, противъ смѣшенія понятій, противъ вѣковыхъ ассоціацій, напр., представленія о той или другой національности съ представленіемъ извѣстной религіи или вѣроисповѣданія, и противъ

многаго другого. Надо произвести цѣлую революцію въ области воззрѣній на національность и національный вопросъ. Эта идейная революція явится лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ провести въ жизнь принципъ національнаго самоопредѣленія со всѣми его социальными и политическими послѣдствіями.

Желая посылить этому дѣлу, я постараюсь въ рядѣ статей освѣтить, нѣкоторыя стороны національнаго вопроса. Позволяю себѣ думать, что рѣзкость постановки и нѣкоторая необычность положеній, которыя я буду развивать, окажутся вполне умѣстными, ибо сразу введутъ читателя въ кругъ новыхъ идей и убѣдятъ его въ томъ, что въ этой области дѣйствительно необходима радикальная „чистка“ и „переоцѣнка цѣнностей“, — необходима не только въ интересахъ чисто-теоретическихъ, но и въ виду практическихъ, глубоко-жизненныхъ задачъ совершающагося политическаго освобожденія и культурнаго возрожденія Россіи.

Прежде всего два слова о терминологіи. Удержимъ, за неимѣніемъ другого, терминъ „національность“ или „національный укладъ психики“, понимая подъ этимъ совокупность тѣхъ психическихъ чертъ, которыми люди характеризуются одни — какъ французы, другіе — какъ нѣмцы, третьи — какъ англичане и т. д. Во избѣжаніе смѣшенія понятій, откажемся отъ термина *нація*, который часто употребляется для обозначенія политически объединеннаго населенія страны, достигшаго извѣстной высоты государственнаго самосознанія, при чемъ вовсе не предполагается, что это населеніе объединено и національно. Такъ, когда говорятъ „французская нація“, то подъ этимъ разумѣется все населеніе Франціи, въ томъ числѣ и бретонцы, которые — *по національности* — вовсе не французы. — Но еслибы мы и согласились удержать слово „нація“ для обозначенія населенія, характеризующагося національными признаками (напр. во Франціи — французская нація, бретонская нація, въ Австріи — нѣмецкая, чешская, венгерская и т. д.), то для насъ этотъ терминъ былъ-бы неудобенъ уже въ другомъ отношеніи: это — „имя собирательное (какъ „народъ“, „племя“ и т. п.) и, въ качествѣ такового, направляло бы мысль въ сторону, какъ-разъ противоположную той, куда я считаю безусловно необходимымъ направить вниманіе читателя. А именно, слово „нація“ въ указанномъ смыслѣ означало бы, что истиннымъ носителемъ

(„субъектомъ“) *національности* является народъ, племя, вообще та или другая *этническая группа*. Это и есть одно изъ тѣхъ старыхъ понятій, которыя подлежатъ ревизіи. Не будемъ—пока—отрицать его цѣликомъ, а только противопоставимъ ему другое, болѣе новое и теоретически, а также и практически болѣе плодотворное понятіе, гласящее такъ: *истиннымъ носителемъ (субъектомъ) національности нужно признать не народъ, не племя, не этническую группу, а дифференцирующуюся въ порядкѣ культурнаго развитія личность человѣческую*. Теоретическій (научный) смыслъ этой формулы таковъ: національность есть продуктъ культуры, матеріальной и духовной, и она принадлежитъ отдѣльнымъ личностямъ, а „нація“—это только отвлеченное понятіе, обобщеніе національныхъ чертъ, принадлежащихъ индивидуумамъ и реального бытія не имѣетъ, какъ не имѣетъ его, напр., понятіе „левъ“ (а есть только отдѣльная особи этого вида). Въ противоположность этому, *нація* въ вышеуказанномъ чисто-политическомъ смыслѣ несомнѣнно имѣетъ реальное бытіе, какъ и „народъ“, „классъ“, „сословіе“ и т. д. Подобно тому какъ понятіе „лѣсъ“ не есть обобщеніе представленій отдѣльныхъ деревьевъ, и ему несомнѣнно отвѣчаетъ нѣчто реальное, существующее не только въ мысли, но и въ дѣйствительности, такъ и понятія „народъ“, „классъ“, „сословіе“ (а также и „нація“ въ политическомъ смыслѣ) не являются обобщеніями представленій отдѣльныхъ индивидуумовъ, а существуютъ въ самой дѣйствительности.

Итакъ, будемъ избѣгать термина „нація“ въ смыслѣ *національности*, чтобы не поддаваться искушенію приписывать реальное бытіе отвлеченію, — и постараемся проникнуть въ настоящую природу національности, какъ явленія культурно-психологическаго.

Національность, сказали мы, есть *принадлежность личности* (а не группы, не собирательнаго цѣлага) и *продуктъ культуры*. Если мы отчетливо уяснимъ себѣ это основное положеніе, то тѣмъ самымъ расчистимъ почву для рациональной постановки и практическаго вопроса о національныхъ правахъ: окажется, что эти послѣднія суть не что иное, какъ *права личности и вмѣстѣ съ тѣмъ—право на культурное развитіе*.

Всякій изъ насъ можетъ, при помощи психологическаго

самоанализа, открыть въ себѣ присутствіе національныхъ чертъ, можетъ почувствовать ихъ и сознать. Если онъ сдѣлаетъ это, то ему не трудно будетъ понять, что нельзя, не впадая въ миеологію, выносить эти черты за предѣлы личности и приписывать имъ объективное бытіе. Въ этомъ отношеніи къ національности вполнѣ примѣнимо то, что не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, когда рѣчь идетъ, напр., о характерѣ, темпераментѣ человѣка. У васъ—такой-то темпераментъ и такой-то характеръ, и есть много людей обладающихъ аналогичнымъ темпераментомъ и характеромъ. Суммируя и обобщая относящіяся сюда фізіологическіе и психологическіе признаки, мы составляемъ общія понятія, или типы людей того или другого темперамента или характера. Но вѣдь не будете же вы утверждать, что эти типы существуютъ сами по себѣ, внѣ отдѣльныхъ личностей, образуя родъ собирательной реальности. То же самое всецѣло относится и къ національнымъ чертамъ. Вы обладаете, скажемъ, русскими національными чертами, и есть, кромѣ васъ, миллионы людей, ими также обладающіе. Но внѣ индивидуумовъ онѣ не существуютъ, и понятіе о русской національности есть только обобщеніе этихъ чертъ, которое, какъ и всякое обобщеніе, реальнаго бытія не имѣетъ. То же самое мы скажемъ и о языкѣ, который такъ тѣсно связанъ съ національностью. Когда говорятъ, „нѣмецкій языкъ“, „французскій“, „русскій“ и т. д., то это только обобщенія, а не реальности. Въ языкѣ подлинными, реальными фактами являются отдѣльные акты рѣчи каждаго даннаго человѣка,—все остальное—отвлеченіе. Такъ, реальны сказанное вами слово, ваша фраза, ваша мысль. Вашъ языкъ есть только сумма всѣхъ этихъ отдѣльныхъ актовъ вашей рѣчи — мысли. А то, что называется „русскимъ языкомъ“, есть суммирование и сокращенное обозначеніе всѣхъ отдѣльныхъ актовъ русской рѣчи. И внѣ индивидуальной утилизациі рѣчи не существуетъ никакого языка, въ видѣ реальности, подобно тому, какъ не существуетъ реальностей, называемыхъ, напр., „гнѣвъ“, „любовь“, „зависть“, „стыдъ“ и т. д., а есть только отдѣльныя, конкретныя чувства гнѣва и т. д., испытываемыя индивидуумами. Говоря „гнѣвъ“, „стыдъ“ и проч., мы только обобщаемъ эти фактическия „переживанія“ (какъ выражаются психологи) и хорошо знаемъ, что никакого объективно-существующаго „гнѣва“ нѣтъ. Но извѣстно, что въ старину этимъ и по-

добнымъ понятіямъ приписывалось реальное бытѣе—въ силу такъ-называемыхъ міеологическихъ приѣмовъ мышленія. Мы отдаемъ невольную дань этимъ архаическимъ приѣмамъ, когда наивно думаемъ, что, напр., нѣмецкій, русскій и т. д. языки и соотвѣтственныя національности въ самомъ дѣлѣ существуютъ—какъ нѣчто объективное и внѣличное.

Итакъ, національность есть психическая принадлежность личности. Присмотримся къ ней ближе. Прежде всего, пользуясь нѣсколько устарѣлымъ, но все еще удобнымъ психологическимъ терминомъ, скажемъ, что національность есть *психологическая форма*, а не положительное содержаніе психики, приблизительно такъ, какъ ваша физическая внѣшность есть форма, а не содержаніе. Національность—это родъ „психической фізіономіи“, основныя черты которой наблюдаются у множества индивидуумовъ, какъ своего рода „видовые признаки“. Не всѣ племена, населяющія земной шаръ, обладаютъ этими признаками: такъ называемые дикари, стоящіе на очень низкой ступени развитія, не имѣютъ національности, мѣсто которой, въ лучшемъ случаѣ, заполняется у нихъ тѣмъ, чтò можно назвать „этнографической разновидностью“, а тамъ, гдѣ и этого нѣтъ, дикарь не имѣетъ другой психологической формы „личности“, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ психологии расы. Культурные народы имѣютъ также свою расовую психологию, но у нихъ она, такъ сказать, связана и подавлена наслоеніями психологии этнографической и національной и поэтому не проявляется, бездѣйствуетъ, а, кромѣ того, нейтрализуется еще и въ силу другой причины, именно — смѣшенія расъ, которымъ характеризуется большинство культурныхъ народовъ. Итакъ, національности это—культурно-психологическіе виды или типы человѣчества, и ихъ признаки, по необходимости, играютъ въ психологии индивидуума роль *формы*. Это значитъ, что въ психикѣ человѣка нужно различать, съ одной стороны, его индивидуальныя черты и качества—ума, характера и т. д., его чувства, страсти, поступки, вѣрованія, убѣжденія, понятія и т. д., а съ другой—его національныя признаки и понимать первые, какъ содержаніе, а вторые—какъ „форму“, въ которую это содержаніе вложено. Содержаніе измѣняется и варьируется ежеминутно, ежечасно, ежедневно и, наконецъ, годами и десятилѣтіями. Форма кажется неподвижною. Въ дѣйствительности она также измѣ-

няется, но только сравнительно медленно и незамѣтно. Безъ сомнѣнія, моя русская національно-психологическая „форма“ или „физиономія“ въ настоящее время далеко не такова, какою она была у меня лѣтъ 30 тому назадъ. Ребенокъ не рождается съ готовой національной „физиономіей“, а только получаетъ, путемъ наслѣдственности, психическое предрасположеніе къ національности предковъ. Фактически онъ пріобрѣтаетъ ту или другую національную форму *вмѣстѣ съ языкомъ*. Если ребенокъ, родившійся отъ русскихъ по національности родителей вырастетъ и воспитается во Франціи, и французскій языкъ сдѣлается его роднымъ языкомъ, то изъ этого ребенка выйдетъ человекъ французской, а не русской національности, несмотря на его наслѣдственное психическое предрасположеніе къ этой послѣдней. Итакъ, національная форма пріобрѣтается, усваивается, развивается, и органомъ этого усвоенія и развитія служитъ языкъ. Этотъ послѣдній, такъ сказать, приурочиваетъ человѣка къ опредѣленному національному типу. Но для этого необходимо, чтобы данный языкъ сдѣлался „роднымъ“ языкомъ человека, необходимымъ и незамѣнимымъ органомъ его мысли, выразителемъ интимныхъ движеній его души, ея музыкой, ея „живописью“. Человекъ можетъ отлично владѣть нѣсколькими языками, но изъ нихъ обыкновенно только одинъ является его „роднымъ“ языкомъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, опредѣляя и національность человека. Я говорю, что такъ это бываетъ *обыкновенно*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Но теоретически вполне допустимо и далеко не рѣдко подтверждается фактически, что человекъ, въ силу особыхъ условій, можетъ пріобрѣсть два „родныхъ“ языка, которые приблизительно одинаково будутъ выполнять всѣ тѣ функціи, какія долженъ исполнять „родной языкъ“. Въ такомъ случаѣ мы скажемъ, что у этого человека есть двѣ національныя формы. Это зачастую наблюдается у австрійскихъ славянъ, владѣющихъ не только своимъ славянскимъ (напр. чешскимъ) языкомъ, какъ роднымъ, но и нѣмецкимъ, также какъ языкомъ „природнымъ“, и у нашихъ украинцевъ, для которыхъ, какъ нѣкогда выразился А. А. Русовъ, украинскій (малорусскій) языкъ является „родной матерью“, а русскій (т. е. общерусскій)—„роднымъ отцомъ“. Есть-ли основаніе считать это дефектомъ, чѣмъ-то ненормальнымъ? Позвоительно-ли назвать „психическимъ уродствомъ“ такое со-

вмѣщеніе въ одной личности двухъ національных „физиономій“? Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, это скорѣе—обогащеніе личности, подобно тому какъ музыкантъ—виртуозъ, одинаково хорошо владѣющій двумя инструментами, музыкально богаче того, который владѣетъ только однимъ. Национальность есть только психологическая форма, и совмѣщеніе двухъ формъ совсѣмъ не то, что совмѣщеніе двухъ элементовъ содержанія, взаимно исключających другъ друга, напр., двухъ противоположныхъ вѣрованій, двухъ противорѣчивыхъ убѣжденій, двухъ страстей, борющихся между собою. Въ такихъ случаяхъ мы наблюдаемъ душевный разладъ, иногда принимающій характеръ патологическаго процесса. Нужно различать въ психикѣ человѣческой, такъ сказать, двѣ психологіи: психологію содержанія души и психологію ея формальныхъ элементовъ. Одно изъ рѣзкихъ различій между ними состоитъ въ томъ, что, въ то время какъ положительное содержаніе дано въ сознаніи или, по крайней мѣрѣ, стремится овладѣть сознаніемъ, *элементы формальные, въ ихъ здоровой постановкѣ, пребываютъ въ сферѣ безсознательной.* Вѣдь, при нормальныхъ условіяхъ, мы не чувствуемъ, не сознаемъ своей національности. Поэтому и выходитъ, что при двухъ національностяхъ человѣкъ не чувствуетъ (повторяю: при нормальныхъ условіяхъ) никакого неудобства, между ними нѣтъ противорѣчія, потому что обѣ онѣ функционируютъ безсознательно, между тѣмъ какъ столкновеніе двухъ вѣрованій или убѣжденій, двухъ страстей, происходящее въ тѣсной сферѣ сознанія, причиняетъ душевную боль и явственно ощущается субъектомъ, какъ нѣчто ненормальное, какъ внутренній разладъ, парализующій волю.

Безсознательностью національныхъ элементовъ психики обусловливается то обстоятельство, что ихъ трудно описать, охарактеризовать, формулировать. То, что дано въ сознаніи, сравнительно легко поддается формулировкѣ. Такъ, я могу въ немногихъ словахъ охарактеризовать мои вѣрованія, убѣжденія, чувства и т. д. Но извольте въ немногихъ словахъ охарактеризовать свою собственную національную „физиономію“. Это еще мудренѣе, чѣмъ описать свое лицо. Быть можетъ, нѣсколько легче схватить черты чужого лица,—и, соотвѣтственно этому, кажется болѣе легкимъ дѣломъ—охарактеризовать чужую національную

форму. Но это только такъ кажется: въ дѣйствительности здѣсь приходится считаться еще съ другими препятствіями, именно съ предрасудками и національными предубѣжденіями, которыя еще болѣе запутываютъ дѣло. Въ результатѣ получаются традиціонныя характеристики національностей,—совершенно неправильныя и къ тому же по существу ложныя, ибо въ нихъ національной формѣ приписываются черты, взятыя совсѣмъ изъ другой области, напр. изъ психологіи того или другого класса (такъ нѣкоторыя *шляхетскія* черты навязываются польской національности, какъ таковой, чего быть не можетъ) или изъ сферы неформальной, изъ психическаго содержанія личности (такъ украинской національности присвоили *хитрость*, французской—*легкомысліе*,—то и другое не только фактически невѣрно, но и психологически абсурдно, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ). Всѣ ходячія, шаблонныя характеристики національностей должны быть разъ навсегда отброшены—какъ вредный вздоръ. Прежде чѣмъ описывать ту или другую національную форму, нужно сперва рѣшить общій вопросъ о томъ, изъ какихъ психическихъ элементовъ слагаются національныя формы,—берутся-ли эти элементы изъ всѣхъ трехъ сферъ психики (изъ сферы мысли, чувства и воли), или не изо всѣхъ. Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы и обратимся въ слѣдующей статьѣ.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій.

По вопросу объѣ автохومیи и равноправіи національностей *)).

Въ Петербургѣ образовался „Союзъ инородцевъ“, переименовавшій себя затѣмъ въ „Союзъ автономистовъ-федералистовъ“. Пока этотъ союзъ находится въ зародышевомъ состояніи, но онъ вѣроятно разростется и станетъ однимъ изъ довольно вліятельныхъ факторовъ политической жизни въ Россіи. Его отношеніе къ нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ русской политической жизни выразилось на предварительномъ съѣздѣ, происходившемъ въ Петербургѣ во второй половинѣ ноября 1905 г.

Однимъ изъ результатовъ съѣзда было составленіе центральной бюро воззванія „Отъ Союза Автономистовъ-Федералистовъ“, напечатаннаго, между прочимъ, въ № 7 „Молвы“ отъ 15 декабря пр. 1905 г. и въ № 2 „Народной Свободы“ отъ 16 (29) декабря 1905 г. Будетъ тоже изданъ отчетъ о съѣздѣ, съ приложеніемъ заслушанныхъ на немъ докладовъ или рефератовъ и съ извлеченіемъ изъ преній. Въ скоромъ же времени появится въ печати проектъ устава, для представленія его второму предполагающемуся съѣзду.

Во всякомъ случаѣ я полагаю, что этимъ явленіемъ не слѣдовало бы пренебрегать, и что „*das vornehme Ignorieren*“ здѣсь вовсе не у мѣста.

Считаю необходимымъ съ своей стороны дать объясненія и дополненія къ этому заявленію.

Если это союзъ *Автономистовъ-Федералистовъ* вообще, то страннымъ можетъ показаться отсутствіе на его съѣздѣ представителей самой многочисленной народности Россіи,

*) Изъ доклада, сдѣланнаго мною въ засѣданіи второго делегатскаго съѣзда К.-Д. партіи 10/23 января 1906 г. *Авторъ.*

народности великорусской. Мы долго обсуждали этотъ вопросъ и пришли къ заключенію, что пока мы обойдемся безъ участія представителей народности, претендовавшей на господство надъ остальными и за одно съ правительствомъ стремившейся къ руссификаціи и къ попиранію національныхъ правъ всѣхъ остальныхъ. Кромѣ того, мы хотѣли доказать, что и безъ великороссовъ мы не посягаемъ вовсе на государственное единство Россіи. Теперь обстоятельства перемѣнились, и искренніе автономисты изъ среды великороссовъ будутъ весьма желанными сочленами нашего союза.

Въ глазахъ самодержавныхъ контръ-революціонеровъ, яacobинцевъ, анархистовъ и петролейщиковъ даже жители Москвы оказались такими же заслуживающими истребленія „инородцами“, какъ и все остальное населеніе Россіи. Низведенные на степень „инородцевъ“ и пасынковъ своего отечества, великороссы, не смотря на всю любовь къ вооруженному ближнему, должны теперъ ненавидѣть прежнюю Россію съ ея смрадными и ядовитыми отрывками въ настоящемъ и могутъ смѣло войти въ „союзъ инородцевъ“. Милости просимъ *).

* *
* *

Выяснившіяся на предварительномъ сѣздѣ начала союза автономистовъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1. *Неприкосновенность границъ русскаго государства*, какъ объединеннаго цѣлага, въ отличіе отъ такихъ же другихъ самодовлѣющихъ государственныхъ особей.

Посягательство на цѣлость Россіи и стремленіе къ отторженію отъ нея, напримѣръ, Царства Польскаго или же Кавказа было бы, съ одной стороны, измѣною русскимъ прогрессивнымъ партіямъ, шедшимъ въ освободительномъ движеніи рука объ руку съ такъ называемыми окраинами, съ другой же стороны—нанесло бы вредъ собственнымъ областнымъ интересамъ.

Изъ этого видна вся нелѣпость обвиненій „инородцевъ“ въ желаніи раскромсать Россію. Къ раскромсанію и разрушенію ведутъ Россію ея слѣпые и преступные вожди. Они то, создавая теперъ „федеративное“ управленіе въ лицѣ самовластныхъ губернаторовъ и генераль-губернаторовъ всѣхъ

*) Члены-великороссы въ союзѣ уже есть.—*Ирим. ред.*

ранговъ, рвутъ Россію на куски. Нетолько самодержавные сатрапы, но даже самодержавные патрульные и караульные солдаты пользуются такими полномочіями, какимъ позавидовали бы многіе владѣтельные князья и короли.

2. Мы принимаемъ по необходимости *русскій языкъ органомъ взаимнаго общенія* между отдѣльными народностями Россіи. Онъ облегчаетъ намъ совмѣстную работу, и мы даже хотѣли выразить за это нашу благодарность господамъ обрусителямъ.

3. Мы исповѣдуемъ *принципъ демократизаціи*, конечно, не въ смыслѣ угодливости толпѣ и подобострастнаго ожиданія ея приговоровъ, но въ смыслѣ стремленія къ полной равноправности по всѣмъ направленіямъ междучеловѣческихъ отношеній. Въ силу этого истинно демократическаго принципа и примѣняя начало безусловной справедливости, мы требуемъ *полнаго юридическаго равенства всѣхъ племенъ, всѣхъ національностей, всѣхъ вѣроисповѣданій* и всѣхъ прочихъ культурно-общественныхъ группъ въ предѣлахъ Россіи,—до полной безвѣроисповѣдности и безнаціональности включительно.

Въ связи съ этимъ находится *обезпеченіе всѣхъ правъ національнаго, вѣроисповѣднаго и всякаго другого меньшинства*, какъ въ цѣломъ государствѣ, такъ и во всѣхъ его самоуправляющихся частяхъ.

4. *Долой государственный націонализмъ!*

Государство стоитъ выше національностей и вѣроисповѣданій, точнѣе: оно должно быть внѣнаціональнымъ и внѣисповѣднымъ. Но за то оно должно обезпечивать свободное развитіе всѣхъ національностей, всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ прочихъ культурныхъ группъ. Конечно, свободное развитіе въ законныхъ предѣлахъ, безъ посягательства на права другихъ подобнаго же рода группъ.

5. *Принципъ самоопредѣленія* національныхъ, вѣроисповѣдныхъ и прочихъ культурно-общественныхъ группъ *долженъ* же наконецъ *осуществляться*. Но это самоопредѣленіе не должно быть вовсе общеобязательно. Его не слѣдуетъ навязывать, а слѣдуетъ предоставить собственному желанію самоопредѣлителей.

6. Слова „автономія“, „федерализація“ и т. п. пугаютъ многихъ патріотовъ своего отечества и являются въ рукахъ правопорядчиковъ и другихъ отличнымъ козыремъ противъ

оппозиціонныхъ партій. Между тѣмъ, это отчасти шумныя, отчасти же изношенныя обиходомъ и поэтому не вполне ясныя слова. Я бы предпочелъ выраженія: установленная законнымъ порядкомъ децентрализація и возможно широкое самоуправленіе отдѣльныхъ областей *).

Такъ понятая децентрализація и автономія является вопросомъ вовсе не окраиннымъ, не инородческимъ, а все-россійскимъ.

Централизація разрушала Россію и привела ее на край гибели.

Даже правительственные централисты сознавали свое безсиліе и хотѣли создать децентрализацію путемъ прерогативъ, путемъ полновлестія и самодержавія губернаторовъ и другихъ сатраповъ. Извѣстенъ проектъ покойнаго фонъ-Плева, осуществляемый именно теперь съ большимъ рвеніемъ и усердіемъ.

Затѣмъ, правительственная децентрализація выразилась тоже въ избирательномъ законѣ 11 декабря, въ законѣ, считаемомъ нѣкоторыми партіями послѣднимъ словомъ русской конституціонной мудрости. Думаю, что въ смыслѣ децентрализаціи страны дальше выборовъ по стойламъ никакъ нельзя идти.

Къ сожалѣнію, слабоумное правительство ошиблось въ своихъ расчетахъ. Желая разобщить страну, оно вызвало какъ разъ противоположное стремленіе, стремленіе къ объединенію, причемъ отдѣльные раіоны и округа охотно поступались своими автономными правами ради общаго дѣла.

Это одинъ изъ лучшихъ аргументовъ въ пользу федерализаціи государства. Пусть этотъ опытъ пріохотитъ къ подражанію.

Но, во всякомъ случаѣ, мы никакъ не желаемъ децентрализаціи, основанной на прерогативахъ губернаторовъ и другихъ сатраповъ. Такую разрушительную бюрократическую децентрализацію мы хотѣли бы замѣнить децентрализаціею творческою, вызывающею и укрѣпляющею въ населеніи центростремительное и объединяющее чувство *общегосударственной солидарности*.

*) Въ настоящее время я иду нѣсколько дальше и полагаю, что намъ нечего бояться не только „автономіи“, но даже и „федерализаціи“, разъ мы признаемъ ее единственно спасительною для русскаго государства.—Прим. автора въ мартъ 1906 г.

На основаніи всего этого необходимо принципиально согласиться на децентрализованное устройство Россіи. Созданіе *автономныхъ областей, не только „окраинныхъ“ и „инородческихъ“, но тоже коренныхъ великорусскихъ,* должно составлять задачу ближайшаго будущаго.

7. Немедленно же должно быть поставлено на очередь *автономное устройство ясно опредѣлившихся областей,* прежде всего Царства Польскаго.

Обосновывать необходимость автономіи Польши это то же, я полагаю, что ломиться въ открытую дверь.

8. Создать условія, при которыхъ всё могутъ свободно развиваться, затѣмъ провести принципъ самоуправленія и автономіи является лучшимъ средствомъ для того, чтобы все многомилліонное *населеніе Россіи привязать къ государству.* Тогда Россія станетъ дѣйствительно отечествомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, отечествомъ, которое всё будутъ защищать и, пожалуй, даже любить. Но такую любовь надо прежде всего заслужить.

9. *Долой лозунгъ: „Россія для русскихъ; Польша для поляковъ; Литва для литовцевъ, Украина для украинцевъ, и т. д.“* Россія для всѣхъ тѣхъ, кто въ ней живетъ; Польша для всѣхъ тѣхъ, кто въ ней живетъ, и т. д.

Вѣдь достаточно справиться со статистикой, чтобы убѣдиться, что *Россія является государствомъ не только не-великорусскимъ, но даже не славянскимъ.*

Россія не только ваша, господа великороссы, но тоже и наша.

По преимуществу изъ среды великороссовъ, или же при-творяющихся таковыми, выходили разрушители Россіи, въ видѣ обрусительныхъ чиновниковъ, возбуждающихъ своими дѣйствіями центробѣжныя и враждебныя государству стремленія не на однѣхъ только окраинахъ.

Будетъ-ли это продолжаться?

Нѣкогда поляки погубили Польшу. Неужели теперь русскіе погубятъ Россію?

И здѣсь я позволю себѣ повторить одно мѣсто изъ рѣчи, сказанной мною на сѣздѣ инородцевъ:

„Кто знаетъ, не присутствуемъ-ли мы при агоніи русскаго государства отъ прогрессивнаго паралича. Если это такъ, то наши усилія его не спасутъ. Не спасутъ матушки Россіи усилія ея пасынковъ, а усилія ея возлюбленныхъ,

привилегированныхъ сыновей и подавно. Тогда Россія погибнетъ отъ всероссійскаго патріотизма, отъ національнаго эгоизма обрусителей и общегосударственныхъ громилъ.

„Гибель Россіи останется въ исторіи предостереженіемъ (*warnendes Exempel*) для другихъ государствъ, шествующихъ по тому же пути попиранія правъ отдѣльныхъ человѣческихъ существъ и цѣлыхъ народовъ“.

* * *

По всему мною сказанному можетъ казаться, что я упорствующій націоналистъ и ставлю національные интересы выше всѣхъ остальныхъ. Нисколько. Я не только не націоналистъ, но, напротивъ, того, я не защищаю интересовъ ни одной національности, ни одного вѣроисповѣданія въ отдѣльности.

Я только желаю мира въ этой области.

Я хочу снять съ очереди искусственно подогрѣваемый споръ междунаціональной и междувѣроисповѣдной борьбы. Я хочу устранить эти вопросы, чтобы очистить мѣсто для настоящей борьбы интересовъ, для борьбы за политическія права, за рѣшеніе экономическихъ задачъ.

Это я говорю не столько по адресу конституціонно-демократической партіи, сколько по адресу другихъ партій, партій революціонныхъ, видящихъ весь смыслъ жизни въ классовой борьбѣ. Эти партіи слѣпы и глухи ко всему прочему и не понимаютъ, какъ можно заниматься такими пустяками, какъ національныя или вѣроисповѣдныя права. Онѣ не считаются съ психологіей, онѣ не считаются со жгучими потребностями душъ человѣческихъ. Разъ національное и религиозное чувство существуетъ, оно должно быть удовлетворено.

Надо сберечь государственную и общественную энергію, растрачиваемую на денационализацию, на насильственную вѣроисповѣдную пропаганду и т. д., и направить всѣ усилія въ сторону рѣшенія вопросовъ обще-политическихъ и экономическихъ.

* * *

Въ заключеніе я ставлю вопросъ практическій.

Требованіе автономіи и равноправности національностей

является въ настоящее время въ Россіи однимъ изъ вопросовъ грозныхъ, вопросовъ наболѣвшихъ, вопросовъ жгучихъ, вопросовъ, такъ сказать, пожарныхъ. Безъ удовлетворительнаго рѣшенія подобныхъ неотложныхъ вопросовъ нельзя достигнуть умиротворенія страны. Они должны быть рѣшены сейчасъ же, если возможно, окончательно, въ противномъ же случаѣ по крайней мѣрѣ принципиально.

И тутъ все равно, кто займется рѣшеніемъ. Еслибъ правительство счумѣло это сдѣлать, большое ему спасибо. Но наше правительство умѣетъ только разрушать; оно не въ состояніи созидать и рѣшать въ положительномъ смыслѣ.

Стало-быть, остается народное представительство. Выйдетъ-ли оно изъ заколдованнаго круга безпрерывнаго и всесторонняго разрушенія и вступить-ли оно на путь созиданія, на путь учредительства?

Какому же народному представительству мы желаемъ предоставить рѣшеніе національныхъ вопросовъ и вопросовъ автономіи? Государственной-ли Думѣ, не взирая на ея происхожденіе, или же только „учредительному собранію“, созванному на основѣ извѣстной формулы?

Мнѣ кажется, что надлежащей постановкѣ вопроса мѣшаетъ фикція „самодержавія“ народа. Я съ своей стороны не признаю самодержавія бюрократіи, но точно такъ же не могу признать ни самодержавія великорусскаго народа, распоряжающагося судьбами инородческихъ смердовъ. Пора бросить эту пагубную фикцію.

Когда приходится тушить пожаръ, совершенно все равно, кто беретъ на себя эту задачу. *Fericulum in mora* (опасность въ проволочкѣ). А между тѣмъ мы видимъ или ничего не-дѣланіе въ формѣ правительственной и общественной „забастовки“, или подливаніе масла въ огонь, практикуемое не только правительствомъ, но также многими другими дѣятелями, или же маньякальное требованіе, что пожарныхъ надо непременно выбирать всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ.

Теперь время горячее, время лихорадочное. Пора перестать миндальничать и сантиментальничать. Надо вопросъ ставить ребромъ.

И вотъ надо спросить отъ имени союза автономистовъ-федералистовъ:

Намѣрена-ли К.-Д. партія защищать законодательнымъ

порядкомъ автономію и равноправность національностей въ какомъ бы то ни было парламентѣ, или же она ограничится пока однимъ „сочувствіемъ угнетеннымъ и приниженнымъ“, откладывая практическое рѣшеніе до созыва „учредительнаго собранія“ или же „обще-имперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами“ (§ 25 Программы К.-Д. партіи), т. е., быть можетъ, *ad calendas graecas*?

Можемъ-ли мы рассчитывать на дѣятельную помощь К.-Д. партіи, или же должны довольствоваться исключительно самопомощью?

Проф. И. Бодуэнъ-де-Куртена.

Имперія хародовъ.

Русскій централизмъ и естественное его дополненіе, обрусѣніе—явленіе давняго происхожденія, корнями своими восходящее къ московской эпохѣ русской государственности. Совокупность историческихъ условій, которыя всѣмъ извѣстны и на которыхъ мы не будемъ здѣсь останавливаться, сдѣлала то, что одному изъ русскихъ племенъ—великорусскому—удалось на протяженіи вѣковъ сколотить огромную имперію, территория которой вышла далеко за этнографическіе предѣлы не только господствующаго великорусскаго племени, но и двухъ другихъ русскихъ племенъ—украинскаго и бѣлорусскаго. Съ сѣвера и востока, съ запада и юга въ составъ великорусской, обычно называемой—русской, официально—россійской имперіи, вошло множество самыхъ различныхъ этнографическихъ группъ, начиная съ славянскихъ, романскихъ, германскихъ и литовскихъ и кончая семитическими, финскими, монгольскими, тюркскими и иными группами.

Процессъ территориальнаго расширенія имперіи, начавшійся на зарѣ московской исторіи, продолжался вплоть до XIX ст., пока на сѣверѣ не была достигнута естественная преграда—океанъ, и пока продолжавшіяся по инерціи попытки пріобрѣтенія новыхъ территорій не были энергично пріостановлены на западѣ и югѣ—севастопольской кампаніей, на востокѣ—японской войной.

Составъ опредѣлившейся къ этому времени въ своихъ границахъ имперіи оказался чрезвычайно пестрымъ, и пестрота эта обуславливалась не только различіями этнографическаго характера. Сбитыя внѣшней силой въ одно государственное цѣлое национальности оказались крайне неоднородными и по степени культуры, и по своей соціальной структурѣ, и по развитію экономическихъ отношеній. Однѣ

изъ этихъ національностей до присоединенія жили интенсивной государственной жизнью, другія довольствовались патриархальнымъ укладомъ кочевничества или феодально-классового устройства; однѣ изъ народностей въ социальномъ отношеніи достигли возможнаго классового разслоенія, другія жили въ періодъ чистаго натурального хозяйства, нѣкоторыя не возвысились даже надъ первичной формой бродяжничества. Культурныя, религіозныя и др. отличія были такъ же разнообразны, причемъ на лицо оказались всѣ степени развитія, отъ высшей до низшей, отъ чистаго монизма до грубаго фетишизма, отъ утонченной европейской образованности до неприкрытаго никакими фиговыми листками азіатскаго варварства.

Господствующая народность, силами которой, главнымъ образомъ, создалась огромная имперія, по культурному и социальному развитію своему стояла далеко не въ первыхъ рядахъ имперскихъ національностей. Завоеывая и подчиняя разнообразныя народности, она не вносила въ присоединенныя области ни высшаго типа государственности, ни развитыхъ формъ общественности, ни европейскихъ культурныхъ идеаловъ,—вообще говоря, ничего такого, что могло бы спаивать, объединять, цементировать разнородныя, чуждыя другъ другу національности. Къ тому же, съ теченіемъ времени, присоединенныя провинціи и территоріально и по количеству населенія значительно превысили метрополію; соотношеніе культурныхъ и экономическихъ силъ тоже не во всемъ оказалось въ пользу господствующей народности.

Политика завоеванія и присоединенія, проводимая стихійно и непланомѣрно, принесла неожиданные плоды. Имперія, образовавшаяся вначалѣ силами единой этнографической группы и носившая поэтому всѣ признаки національнаго государства, переросла, если такъ можно выразиться, самое себя, она перестала быть національной. Имперскому правительству предстояло изъ правительства, проводящаго національную политику, сдѣлаться правительствомъ народовъ. Благоразумное правительство такъ и поступило бы, но извѣстно, что благоразуміе не принадлежитъ къ числу правительственныхъ добродѣтелей. Вмѣсто того, чтобы овладѣть нарождающимися областными и національными различіями и направить ихъ въ легальное русло децентрализованнаго управ-

вленія, правительственныя кормчіе съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, направляли государственный корабль по засоренному фарватеру административнаго и всякаго иного централизма, пока этотъ корабль не сълъ въ наши дни на мель.

Потерпѣвшее крушеніе имперское правительство оставило трудное наслѣдіе народамъ Россіи. Чего стоитъ великолѣпная по своей жестокой прямолинейности политическая фантазія, родившаяся въ бюрократическихъ головахъ російскихъ государственныхъ мужей, охваченныхъ маніей нивелировки и упрощенія, и которая опредѣляется словами: централизмъ и обрусѣніе! Стереть безъ остатка всѣ національныя различія, уничтожить областныя видоизмѣненія, явить міру грандіозное зрѣлище народа одноплеменнаго, нераздѣльнаго, говорящаго на одномъ языкѣ, ходящаго въ одну церковь, приверженнаго къ единой исторической традиціи, расселившагося сплошной массой отъ Гельсингфорса до Тифлиса, отъ Варшавы до Владивостока! И фантазія эта не осталась въ области кабинетныхъ мечтаній и канцелярскихъ вождедѣній; ее всемѣрно реализовали, дѣлая опыты на живомъ тѣлѣ народовъ, она стала руководящимъ принципомъ всей дѣятельности имперскаго государственнаго механизма. Въ теченіе многихъ лѣтъ Молоху этой фантазіи приносились неслыханныя матеріальныя жертвы, попирались сокровища народнаго духа, обезличивалась жизнь, развращались цѣлыя поколѣнія людей, кастрировались духовно цѣлыя племена, уничтожались историческія культуры. Чего стоитъ другой историческій фантомъ, съ любовью культивировавшийся имперскимъ правительствомъ и именованный самодержавіемъ? Море крови лилось, льется и въ наши дни изъ за этого принципа, выросшаго на исторической почвѣ одной только господствующей въ имперіи великорусской народности, но чуждаго теперь и ей, какъ онъ былъ чуждъ всегда всѣмъ другимъ народностямъ европейской вѣтви, вошедшимъ въ составъ русскаго государства. Чего стоитъ наглая, беззастѣнчивая, циничная и мятежная высшая и низшая бюрократія, узурпировавшая и права народовъ, и права короны, на нашихъ глазахъ, полгода назадъ, возстававшая противъ воли народовъ и главы государства, залившая кровью и освѣтившая пожарами императорскій манифестъ о свободахъ? Чего стоитъ армія, привыкшая быть побѣждаемой на поляхъ и водахъ сраженій и побѣждать на улицахъ родныхъ

городовъ, разстрѣливавшая залпами и убивавшая штыками, саблями, прикладами и нагайками безоружныхъ согражданъ своихъ? Въ странѣ исчезло всякое понятіе о правѣ и законѣ; честь, имущество и сама жизнь гражданъ остались безъ тѣни защиты; финансы имперіи подорваны въ конецъ, трудящіеся классы народовъ разорены до нищеты, просвѣщеніе погасло во мракѣ правительственной анархіи, судъ дезорганизованъ, авторитетъ власти исчезъ безъ слѣда, столицы и крупные города полны безработныхъ, деревни и села—голодныхъ; въ настоящемъ—слухи о преторіанскихъ заговорахъ, въ будущемъ—предвидѣніе разгона Государственной Думы и событий, грознѣе бывшихъ московскихъ, польскихъ и прибалтійскихъ,—тяжелое наслѣдіе досталось народамъ Россіи.

Но на нивѣ зла, распаханной бюрократическимъ правительствомъ имперіи, выросло и дерево добра: правительство внушило народамъ Россіи общую ненависть къ себѣ, и эта ненависть спаяла всѣ національности, объединила ихъ, какъ братьевъ, въ общей бѣдѣ. Въ арміи, выстроившейся противъ самодержавной бюрократіи, нѣтъ болѣе господствующей народности и угнетенныхъ, присоединенныхъ племенъ, а есть представители народовъ, есть союзы, партіи и сообщества разноплеменныхъ, но равныхъ другъ другу гражданъ. „За нашу и вашу свободу“—несется дружный кличъ на всемъ необъятномъ просторѣ имперіи; узы борьбы и крови сдружили и сблизили народы Россіи, и то, чего въ продолженіи столѣтій нельзя было достигнуть при помощи штыковъ и пушекъ, достигнуто почти мгновенно взрывомъ взаимнаго уваженія и взаимнаго признанія правъ,—всѣхъ скрѣпила и сцеменировала общая ненависть къ единому врагу—самодержавно-бюрократическому режиму, уже на смерть пораженному, но еще барахтающемуся въ судорожныхъ конвульсіяхъ на политической аренѣ.

Было бы величайшей исторической ошибкой, грѣхомъ передъ потомками—не использовать момента для того, чтобы закрѣпить законодательно и планомѣрно союзъ народовъ, побратавшихся на полѣ революціонной брани. Ибо настала часъ, когда необходимо законодательствовать и за потомковъ, настало время для преобразованія былой, распадающейся нынѣ централистической Россійской имперіи въ единую, крѣпкую свободно признанной связью Россію—имперію народовъ.

Новое государственное здание должно покоиться на широкомъ фундаментѣ, должно быть связано прочными скрѣпками. Каждый новый день засѣданій Государственной Думы обозначаетъ границы этого фундамента, намѣчаетъ формулы этихъ скрѣпъ. Что-бы ни случилось завтра, сегодня уже ясно: не смотря ни на какія помѣхи и преграды, государственное переустройство Россіи будетъ совершено на основѣ принциповъ истиннаго демократизма, съ политическимъ, гражданскимъ и правовымъ равенствомъ всѣхъ гражданъ, безъ различія религіи, національности и пола, съ широкими реформами въ области аграрныхъ отношеній, съ рабочимъ законодательствомъ, направленнымъ на благо труда, съ перспективной грядущаго соціального равенства. Но политическое и соціальное благоустройство такого много-національнаго государства, какъ Россія, немислимо безъ точнаго, признаннаго законодательнымъ путемъ благоустройства національнаго. Раскрѣпостивъ личность, государство должно раскрѣпостить и національности, утвердивъ за ними право національнаго самоопредѣленія и естественное дополненіе этого права—автономію.

И Государственная Дума, которой народы Россіи съ трогательнымъ единодушіемъ ввѣрили свое будущее, пойдетъ по этому единственно возможному пути. Рабство она замѣнитъ свободой, нищету и богатство — уравнительнымъ распределеніемъ имущественныхъ благъ, централизмъ—областными и національными автономіями, обрусѣніе — свободнымъ развитіемъ народовъ, самодержавную Россійскую имперію— конституціонной имперіей народовъ.

М. Славинскій.

Позорхой памяти...

Среди всеобщей чистки, затѣянной всероссійской бюрократіей накануне прихода новаго хозяина—народнаго представительства, среди разныхъ отбросовъ бюрократическаго хозяйства очутился въ выгребной ямѣ и одинъ изъ самыхъ гнусныхъ по своему замыслу и страшныхъ по своимъ послѣдствіямъ актовъ гнета и самовластиа, за который еще такъ недавно изъ всѣхъ силъ держался старый режимъ. Я говорю о позорномъ „законѣ 1876 г.“, воспрещавшемъ употребленіе украинскаго языка внѣ нѣкоторыхъ тѣсныхъ категорій, указанныхъ въ немъ, а въ фактическомъ своемъ примѣненіи уничтожавшемъ всякую возможность литературной и научной дѣятельности на этомъ языкѣ (воспрещались всякія произведенія ученыхъ, научно-популярныя, литература для народа и для дѣтей на украинскомъ языкѣ, всякія періодическія изданія, а въ единственно дозволенной области беллетристики—произведенія отклпкавшіяся на вопросы общественныя и національныя, темы изъ жизни интеллигенціи, переводы съ чужихъ языковъ и т. п.). Еще осенью минувшаго года, послѣ того какъ на запросъ комитета министровъ выбранныя имъ самимъ учрежденія — академія наукъ, университеты кievскій и харьковскій, кievскій генераль губернаторъ—совершенно опредѣленно высказались за необходимость совершенной отиѣны ограниченной украинскаго печатнаго слова, какъ мѣръ только раздражающихъ населеніе и кладущихъ непреодолимыя препятствія просвѣщенію и вообще культурному развитію массъ, — правящія сферы не рѣшались отиѣнить этотъ эдиктъ. Хотя упомянутые запросы были результатомъ сомнѣній въ спасительныхъ дѣйсвіяхъ его, возникшихъ въ средѣ членовъ самаго комитета, хотя его позднѣйшій премьеръ очень опредѣленно

объявлялъ отмѣну этого закона еще весною прошлаго года,—въ правительственныхъ кругахъ не отважились поднять рукъ на этотъ шедевръ бюрократической инквизиціи—разбить этого Молоха, которому въ продолженіе полныхъ тридцати лѣтъ приносились такія обильныя жертвы, упитывая его произведеніями мысли и слова, сокомъ мозга и нервовъ тридцатимилліоннаго украинскаго народа. Послѣ желательнаго сужденія по этому вопросу комитета министровъ, признано отмѣну положенія 1876 г. „несвоевременною“ (сентябрь 1905 г.). Это казалось намъ невѣроятнымъ послѣ всего, что было высказано объ этомъ законѣ, не говоря о предшествующемъ, хотя бы за девять мѣсяцевъ, прошедшихъ со времени, когда самъ комитетъ министровъ рѣшилъ подвергнуть провѣркѣ цѣлесообразность и возможность существованія этого закона; но невѣроятное обыкновенно оказывается наиболѣе вѣроятнымъ въ этихъ сферахъ. Отцы отечества, рѣшившіе удивлять міръ своею непреклонностью въ бѣдствіяхъ, не могли разочароваться въ государственной мудрости устава о неуклонномъ сѣченіи и надѣялись на точномъ основаніи этого русскаго кодекса въ концѣ концовъ привести украинскую народность въ небытіе, къ которому она была ими предназначена, и доказать цивилизованному міру (незадолго передъ тѣмъ, анкетю, устроенною галицкими украинцами, единодушно и сильно осудившею, въ массѣ многихъ выдающихся своихъ представителей, законъ 1876 г.), что украинскаго языка дѣйствительно „не было, вѣтъ и быть не можетъ“, какъ выразился авторъ перваго эдикта противъ украинскаго языка, мин. Валуевъ (1863).

Но увы, при спѣшномъ оставленіи такъ прочно и основательно укрѣпленныхъ позицій, совершенномъ обладателями русскаго бича и скорпіоновъ недавно передъ приходомъ арміи народныхъ представителей, много орудій и запасовъ бюрократическаго мракобѣсія пришлось оставить на этихъ позиціяхъ, и среди нихъ брошеннымъ оказался и этотъ такъ тщательно хранимый и оберегаемый палладій „единства русскаго народа“ „законъ 1876 г.“ Этотъ отвратительный вампиръ, пившій кровь благороднѣйшихъ представителей украинскаго народа, проводившій отъ колыбели до могилы цѣлое

поколѣніе украинскаго общества, нашель свою кончину въ изданныхъ въ моментъ вступленія на позиціи народныхъ представителей „временныхъ правилахъ для неповременной печати“. Отмѣняя старую предварительную цензуру и замѣняя ее новыми приемами цензурнаго сыска, они молчаливо погребли вмѣстѣ съ нею всѣ исключительныя правила для произведеній на „иностранныхъ или инородческихъ языкахъ“, въ томъ числѣ и всѣ исключительныя условія для произведеній украинскаго слова, созданныя Эдиктомъ 1876 г. Отступающая бюрократія молча выбросила въ яму одно изъ самыхъ грозныхъ созданій своей государственной мудрости, не имѣвъ духа даже громко заявить объ его отмѣнѣ. Очевидно, его гнусность была слишкомъ ясна ей самой, чтобы говорить о немъ, и мы увѣрены, что изъ того грязнаго мѣста, гдѣ онъ очутился, его уже не попытаются извлечь даже нечистоплотныя руки бюрократическихъ спасителей отечества. Но намъ, столько терпѣвшимъ отъ этого сквернаго василиска и столько усилій вложившимъ въ борьбу съ нимъ, неумѣстнымъ казалось промолчать его кончину, не сказавъ нѣсколькихъ словъ, посвященныхъ его позорной памяти.

Проф. Мих. Грушевскій.

Соціалъ-демократія и украинскій вопросъ.

Въ самомъ началѣ теоретической разработки социаль-демократической программы творцы ея приняли боевымъ лозунгомъ объединеніе рабочаго пролетаріата всѣхъ странъ. Цѣль—созданіе новаго общественнаго строя—казалась трудно-достижимой и единственнымъ залогомъ успѣха въ суровой борьбѣ съ капиталистическо-буржуазнымъ режимомъ являлось могучее сплоченіе рабочихъ массъ для общей объединенной борьбы. Такое объединеніе не случайный союзъ: рабочія массы роднятъ общіе интересы и соединеніе массъ рабочаго пролетаріата прочнѣе, чѣмъ неустойчивые дипломатическіе союзы или нѣсколько болѣе устойчивыя соединенія государствъ на почвѣ общихъ экономическихъ интересовъ. Но и здѣсь, на пути объединенія, стоятъ помѣхою соперничество и различіе интересовъ государства и народностей. Въ видахъ достиженія этой далекой цѣли, въ видахъ объединенія союзниковъ въ борьбѣ противъ общаго врага—приходилось признать губительнымъ и вреднымъ все, что мѣшаетъ сосредоточенію интересовъ на единственной насущной задачѣ, что вноситъ разьединеніе въ ряды союзниковъ. И вотъ съ теченіемъ времени къ такимъ вреднымъ элементамъ былъ причисленъ и націонализмъ.

Не сразу вопросъ о націонализмѣ былъ поставленъ съ исчерпывающею полнотою. На первыхъ порахъ развитія социаль-демократіи существованіе національныхъ группъ представлялось наличнымъ фактомъ. Никто не могъ бы подумать чтобъ предложить англичанину или французу во имя социаль-демократическаго идеала отказаться теперь же отъ своей національной самобытности. Задачею настоящаго времени было устраненіе вредныхъ послѣдствій національной исключительности, установленіе болѣе тѣсныхъ международныхъ связей, да выясненіе щекотливаго вопроса о поведеніи социаль-демократіи двухъ народовъ въ случаѣ войны ихъ правительствъ между собою или—иными словами—о взаимоотношеніи социализма и патріотизма.

Иначе былъ поставленъ вопросъ, когда въ мировой союзъ социаль-

демократіи стали втягиваться рядомъ съ государственными націями— и негосударственныя народности. Теоретики социаль-демократіи, высказываясь противъ всякаго угнетенія, не могли не распространити этого порицанія и на угнетеніе одного народа другимъ въ границахъ государственнаго союза. Принимая принципъ равенства, нужно было признать, что ни одинъ народъ не можетъ мѣшать другому въ осуществленіи и проведеніи его національной самобытности; при этомъ должно было всегда оставаться въ памяти предостереженіе относительно вреда національной исключительности и шовинизма. Эту узкую межу между законными требованиями націонализма и вредными его гипертрофическими проявленіями рекомендовали всегда имѣть въ виду и не разъ напоминали объ этомъ въ той или иной формѣ теоретики социаль-демократіи.

Но на практикѣ при совмѣстномъ выступленіи негосударственныхъ народностей одного государственнаго союза вопросъ этотъ переходилъ на иную почву. Болѣе сильная негосударственная народность, громко заявляя повсюду о несоблюденіи ея интересовъ въ государственномъ союзѣ, часто умалчивала о своей политикѣ по отношенію къ сосѣдкѣ, болѣе слабой негосударственной народности, своей естественной союзницѣ по социаль-демократическимъ стремленіямъ. Становясь на точку зрѣнія *beati possidentes*, болѣе сильная народность всегда готова вопіять о гнетѣ, о подавленіи ея законныхъ національныхъ требованій, а болѣе слабой сосѣдкѣ настойчиво рекомендовала не забывать о великихъ цѣляхъ социаль-демократіи и не отвлекаться отъ этихъ великихъ цѣлей и задачъ ради мелкихъ и временныхъ націоналистическихъ стремленій: эти, молъ, временныя мелкія стремленія вносятъ разладъ въ социаль-демократическую дружную семью и отвлекаютъ рабочія массы въ другую сторону, заставляя забывать о болѣе существенномъ и болѣе важномъ. При такой разницѣ въ оцѣнкѣ важности національныхъ задачъ у себя и у другихъ, социаль-демократія готова была смотрѣть различно на одинакія проявленія націонализма—у себя и у другихъ. Такъ, напримѣръ, горячо ратую противъ притѣсненій поляковъ въ Познани, польская австрійская социаль-демократія не всегда ясно высказывалась о политикѣ польскихъ правящихъ круговъ Галиціи по отношенію къ украинскому населенію Галиціи, забывала объ отрицаніи социаль-демократическими теоретиками всякаго національнаго гнета и настойчиво рекомендовала не увлекаться мелкими временными задачами. Отсюда и отрицательное отношеніе польской социаль-демократіи къ стремленіямъ украинцевъ и евреевъ выдѣлиться въ отдѣльныя самостоятельныя группы социаль-демократіи и протесты противъ самостоятельнаго представительства

этих групп на социаль-демократических конгрессах, как это было, например, съ амстердамским конгрессомъ.

Нужно признаться, что указание на вредъ національных счетовъ для общаго дѣла социаль-демократіи, на мелочность и ничтожность такихъ счетовъ по сравненію съ великими задачами социаль-демократіи, такое указаніе великорусской и польской социаль-демократіи украинцамъ было сдѣлано очень умѣло. Выдѣляться изъ болѣе обширнаго круга русской или польской социаль-демократіи, отстаивать національные интересы или проводить родной языкъ—все это казалось либо наивнымъ провинціализмомъ, либо вреднымъ сепаратизмомъ и обособленіемъ, и украинцы не рѣшались признаться въ естественности и законности своихъ національных стремленій.

За послѣдніе годы, однако, замѣчается поворотъ къ иной постановкѣ національнаго вопроса, болѣе продуманной и ясной. Уже на австрійскомъ социаль-демократическомъ конгрессѣ въ Брюннѣ была принята національная программа съ планомъ переустройства Австріи въ видѣ государственнаго союза національностей. вмѣстѣ съ тѣмъ среди украинской социаль-демократіи усиливается стремленіе къ выдѣленію въ самостоятельную группу. Новое вѣяніе замѣчается также среди польской социаль-демократіи (программа „Proletariat“-а). Ярче и ярче выясняется, что національныя особенности не лишній багажъ, который можно въ какомъ нибудь мѣстѣ труднаго пути со свободною совѣстью сбросить съ плечъ, чтобъ облегчить ходъ къ далекимъ великимъ дѣламъ, что языкъ не только лишь помѣха для полнаго и тѣснаго единенія братскихъ народовъ что существуютъ стремленія, которыхъ нельзя безнаказанно подавлять во имя будущихъ благъ и что съ этими стремленіями нужно всегда считаться.

Новыя вѣянія отразились и на официальныхъ резолюціяхъ украинской социаль-демократіи. На второмъ очередномъ съѣздѣ украинской социаль-демократической рабочей партіи въ текущемъ 1906 г. среди принятыхъ резолюцій обращаютъ на себя вниманіе постановленія относительно національнаго вопроса. Признается, что національный гнетъ—одно изъ проявленій господства капитала въ современномъ буржуазномъ обществѣ—ведетъ къ культурной отсталости угнетенныхъ націй и тѣмъ задерживаетъ ростъ классоваго самосознанія, затемняетъ развитіемъ націонализма основную противоположность классовыхъ интересовъ и помогаетъ упроченію господства буржуазіи: исходя изъ этихъ положеній, партія высказывается за равныя права всѣхъ народностей на свободное существованіе, на полное культурное и политическое самоопредѣленіе и призываетъ къ энергичной борьбѣ противъ всякаго національнаго угнетенія. Въ инте-

ресахъ устраненія всякаго національнаго угнетенія является необходимымъ выдѣленіе изъ современнаго государства національно-территориальныхъ единицъ и такимъ образомъ партія въ своей резолюціи принимаетъ требованіе автономіи Украины (въ границахъ этнографическихъ) съ отдѣльнымъ законодательнымъ сеймомъ. При проведеніи принципа національно-территориальныхъ единицъ неизбежнымъ является образованіе національныхъ организацій социаль-демократіи, а формою объединенія національныхъ группъ съѣздъ принимаетъ федеративный споръ національныхъ группъ социаль-демократіи.

Таковы выводы резолюцій относительно національнаго вопроса. Легко подмѣтить здѣсь новые оттѣнки въ постановкѣ и разрѣшеніи вопроса о націонализмѣ: это новые шаги на пути разрѣшенія труднаго и важнаго вопроса. Будемъ надѣяться, что неутомимая, всеконтролирующая логика жизни не замедлитъ намѣтить въ будущемъ еще опредѣленнѣе путь удовлетворительнаго примиренія національнаго самосознанія съ мировымъ объединеніемъ социаль-демократіи.

А. Г.

Украинскій Вѣстникъ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ — въ 1816 году въ Харьковѣ началъ выходить одинъ изъ древнѣйшихъ провинціальныхъ журналовъ — „Украинскій Вѣстникъ“, подъ редакціей трехъ просвѣщеннѣйшихъ людей тогдашняго Харькова: профес. недавно открывшагося перваго южнаго университета — Филамафитскаго, учителя Гонорскаго и украинскаго писателя Квитки. Пробужденное къ жизни Харьковскимъ университетомъ южное провинціальное общество было, однако, совершенно неподготовлено къ чтенію журналовъ, и редакція „Украинскаго Вѣстника“, хотя выпустила въ первый годъ всего 350 экземпляровъ, половину ихъ принуждена была разсылать бесплатно. Она задалась цѣлю познакомить своихъ читателей съ родиной и воспитать въ нихъ чувство любви къ ней. Беллетристика, множество лирическихъ стихотвореній о „юныхъ дѣвахъ и лунѣ“, грозно патетическія обращенія къ неопредѣленному врагу:

Смутися твары!

Да вострепещетъ всякъ враждебный мнѣ языкъ

И да всколеблются вселенныя основы.

Сентиментальныя путешествія по Малороссіи и случайныя извѣстія изъ Заграницы, описанія Грузіи и Литвы и даже знаменитая поэма Гулака Артемовскаго — Солопій та Хивря — хотя и не привлекали никогда больше 300 „сускривентовъ“, но журналъ просуществовалъ до 1826 г.

Прошло почти сто лѣтъ, и новый „Украинскій Вѣстникъ“ зарождается уже не въ Украинѣ, а въ столицѣ Россіи и въ новомъ столѣтіи является первымъ русскимъ періодическимъ органомъ, посвященнымъ политической жизни Украйны, ея политическимъ и социальнымъ требованіямъ. Необходимость такого органа выдвигается самой жизнью. Россія не однородное государственное тѣло, она сложилась изъ многихъ областей, въ составъ ея входятъ разные народы. Подавленныя вѣками централизма, всѣ эти области не жили, а прозябали, молчали — „бо благоденствовали!“ Онѣ не знали другъ друга, между ними не было отношеній, а между тѣмъ у нихъ было общее горе, одно и то же ярмо давило ихъ плечи.

Россія теперь вся ожила, вся охвачена однимъ всеобщимъ порывомъ къ свѣту, къ правдѣ, къ свободѣ, и украинцамъ необходимо теперь ясно и независимо выяснить свои отношенія къ общему движению, высказать, какъ понимаютъ они свои національные интересы, какъ далеки они отъ навязываемаго имъ реакціонной прессой сепаратизма и національныхъ предубѣжденій. Не время теперь ни для сепаратизма, ни для какихъ-либо расовыхъ и національныхъ предрасудковъ. Общее великое освободительное движеніе объединило теперь всю Россію. Если прежде каждая область самостоятельно искала выхода изъ душившаго ее и всѣхъ централистическаго бюрократическаго обрѣтенья, то теперь всѣ народности подаютъ другъ другу руку, чтобы общимъ усиленіемъ добиться всѣмъ свободы и счастья. Переживаемый историческій моментъ великъ не только по своей политической борьбѣ, онъ знаменателенъ и въ національно-этическомъ отношеніи: передъ народами вдругъ открылись широкія жизненныя перспективы, сознава возможность выработки новыхъ формъ народныхъ сожителствъ, болѣе справедливыхъ, болѣе удобныхъ для свободнаго развитія каждой большой и малой націи. Могучій современный подъемъ духа и напряженіе народныхъ силъ даетъ возможность каждому народу стряхнуть съ себя всѣ ветхозавѣтныя традиціи, всю пыль вѣковъ и возродиться нравственно воспримчивымъ къ болѣе высокимъ чувствамъ, къ лучшимъ формамъ и порывамъ жизни. Такой пылью являются всякій шовинизмъ, народоненавистничество, искусственный сепаратизмъ.

Въ основу новой жизни, въ основу новыхъ отношеній къ другимъ народностямъ, украинцы кладутъ демократизмъ и уваженіе къ національнымъ требованіямъ всѣхъ народовъ Россіи. Украинцы твердо вѣрятъ, что представители народа украинскаго въ Государственной Думѣ сумѣютъ опредѣленно поставить широкія требованія демократическихъ реформъ, которыхъ Украина ждетъ такъ же нетерпѣливо, какъ и всѣ другія народности изстрадавшейся Россіи.

Съ этой надеждой и начинается „Украинскій Вѣстникъ“ свое бытіе. Чтобы выполнить задачу ознакомленія Россіи съ Украиной, „Украинскій Вѣстникъ“ издается на русскомъ языкѣ и выходитъ въ международномъ центрѣ русской культурной жизни—въ Петербургѣ.

Таковы тѣ вопросы, которые намѣренъ выяснить новый „Украинскій Вѣстникъ“. Какъ далеко это содержаніе отъ того, что наполнило страницы харьковскаго его предшественника! Одно лишь осталось неизмѣннымъ: оба вѣстника—*украинскіе*.

С. Русова.

Украинская пресса.

Периодическая пресса на украинскомъ языкѣ до послѣдняго времени существовала только у австрійскихъ украинцевъ, которые, благодаря инымъ политическимъ условіямъ, имѣли возможность культивировать родной языкъ для всесторонняго удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ. Что касается Россіи, то старый режимъ, тридцать лѣтъ державшій въ цѣняхъ украинское слово, съ особенною ненавистью и страхомъ относился къ стремленію облечь это слово въ форму періодическаго изданія. Послѣ покойной „Основы“, прекратившей свое существованіе въ 1862 г., черезъ 20 лѣтъ возникла „Кіевская Старина“, которая и оставалась до конца минувлаго года единственнымъ въ предѣлахъ Россіи органомъ, специально посвященнымъ вопросамъ исторіи, литературы и быта украинскаго народа. Но это изданіе могло помѣщать на украинскомъ языкѣ только беллетристику, а кромѣ того, въ силу преобладанія историческаго матеріала, не находило широкаго распространенія даже въ кругахъ украинской интеллигенціи. Всѣ же попытки создать подвижной и отзывчивый органъ печати для болѣе широкихъ слоевъ украинскаго народа разбивались о каменную стѣну, воздвигнутую секретнымъ распоряженіемъ 1876 года, въ силу котораго многочисленныя прошенія изъ разныхъ городовъ о разрѣшеніи періодическихъ изданій на украинскомъ языкѣ неизмѣнно объявлялись „неподлежащими удовлетворенію“, независимо отъ характера предполагаемаго изданія; такихъ неосуществившихся попытокъ за послѣднее десятилѣтіе можно насчитать вѣсколько десятковъ.

17 октября 1905 года принесло, наконецъ, украинцамъ возможность осуществить свои горячія желанія и облечь свою службу народнымъ интересамъ въ формы живого народнаго слова. Первая газетная статья на украинскомъ языкѣ появилась въ „Кіевскихъ Откликахъ“ отъ 24 октября за подписью Сергія Ефремова. Это первое свободное слово украинскаго публициста пришлось, однако, посвятить не радостному чувству свободы, а выраженію того глубо-

каго негодованія, которымъ была охвачена украинская интеллигенція въ послѣдовавшій за 17 октября трехдневный періодъ безумія администраціи и ужаса общества...

12 ноября, въ Лубнахъ, вышелъ „явочнымъ порядкомъ“ первый номеръ ежедневной украинской газеты „Хлібороб“, подъ редакціей одного изъ видныхъ мѣстныхъ дѣятелей г. Шемета. Поставивъ свою задачу отвѣчать на нужды и запросы крестьянской массы, „Хлібороб“ въ теченіе своего недолгаго существованія успѣлъ выработаться въ живой и яркій органъ, стремившійся пропагандировать въ украинской деревнѣ идею крестьянскаго союза—на почвѣ мѣстныхъ интересовъ. Въ четырехъ первыхъ номерахъ „Хлібороба“ были опубликованы многие приговоры волостныхъ сходовъ съ программами общественныхъ, политическихъ и экономическихъ требованій украинскаго крестьянства. Съ № 4 „Хлібороб“ поставилъ на своемъ заголовкѣ девизъ „Селяне усієї України єднайтеся!“, — но это былъ и послѣдній номеръ газеты, получившій, какъ и первые номера, очень широкое распространеніе въ украинскомъ обществѣ; слѣдующій № 5 былъ конфискованъ и изданіе „Хлібороба“ пріостановлено.

Въ это время уже дѣйствовали временныя правила о періодической печати 24 ноября 1905 г., вводившія явочный порядокъ въ опредѣленные нормы. Въ рамкахъ этихъ правилъ возникла уже легальная украинская пресса, первымъ представителемъ которой явился еженедѣльный „Рідний Край“ въ Полтавѣ, начавшій выходить съ 24 декабря. Напоминая по своему типу давнишнюю, гайдебуровскую „Недѣлю“, „Рідний Край“ поставилъ своею главною цѣлью удовлетвореніе духовныхъ запросовъ крестьянства, но въ рамкахъ широкой программы, охватывающей общіе интересы края, безъ какой-либо партійной или классової исключительности. Благодаря умѣлому и живому веденію дѣла, „Рідний Край“, какъ народная газета, сразу получилъ довольно широкое распространеніе въ украинской деревнѣ. А такъ какъ по составу редакціи „Рідний Край“, насколько извѣстно, близокъ къ полтавской группѣ украинской демократической партіи, то содержаніе вышедшихъ номеровъ полтавской газеты можетъ въ одинаковой мѣрѣ характеризовать и программу этой партіи и взгляды тѣхъ круговъ народной украинской массы, среди которыхъ „Рідний Край“ пользуется симпатіями и успѣхомъ. Остановимся съ этою цѣлью на главнѣйшихъ руководящихъ статьяхъ „Рідного Края“, не касаясь помѣщенного въ немъ обильнаго матеріала інформаціоннаго и популяризаторскаго характера.

Отмѣчая новыя условія литературной работы на Украинѣ, возвратившія народу его живое слово — орудіе его духовнаго развитія,

полтавская газета призываетъ всѣхъ украинцевъ къ единенію въ общей мирной работѣ для блага родины и къ использованию съ этою цѣлью возвѣщенныхъ 17 октября основныхъ гражданскихъ свободъ (№№ пробный и 1-й). Эта работа должна быть двоякаго рода: культурно-просвѣдительная и общественно-политическая. Необходимо приложить всѣ силы для культурнаго подъема народныхъ массъ, создать народную школу, народныя чтенія, бібліотеки и другія просвѣдительныя учрежденія съ роднымъ языкомъ мѣстнаго населенія въ основѣ (№№ 1 п 5). Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо отстаивать интересы украинскаго народа въ переживаемомъ нами общемъ процессѣ обновленія Россіи, стремясь къ установленію такого государственнаго строя, который могъ бы быть поставленъ въ соотвѣтствіе съ мѣстными особенностями каждой данной области (№ пробный). Такой строй газета представляетъ себѣ въ формѣ ряда областныхъ автономій, съ мѣстными сеймами во главѣ, независимо отъ общегосударственнаго центрального народнаго представительства, коррективомъ котораго по національно-областнымъ вопросамъ должна быть вторая верхняя палата изъ представителей автономныхъ областей въ равномъ числѣ отъ каждой (№ 6). Какъ мѣстное, такъ и центральное представительство должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ (№ 9). Достиженіе такого избирательнаго права, вмѣстѣ съ упроченіемъ основныхъ свободъ, является первою задачею переживаемаго момента, безъ разрѣшенія которой не могутъ быть удовлетворены и другія потребности народа,—въ томъ числѣ и земельная нужда. Въ земельномъ вопросѣ „Рідний Край“ склоняется къ націонализаціи земли (№ 10), но стоитъ за мирный и постепенный характеръ земельной реформы (№ 15), которая должна быть проведена на началахъ выкупа (№ 9). На ряду съ земельнымъ вопросомъ должны быть поставлены на очередь и другія мѣры для полнаго преобразования экономической политики послѣдняго періода, приведшей Россію къ обнищанію (№ 10). Постановки этихъ вопросовъ „Рідний Край“ ожидаетъ отъ Государственной Думы, а потому горячо рекомендуетъ населенію въ полной мѣрѣ использовать предоставленныя ему избирательныя права, чтобы провести въ Думу такихъ людей, которые будутъ способны осуществить желанія народа; такихъ людей избиратели могутъ найти только въ рядахъ демократическихъ партій (№ 9).

Съ начала текущаго года украинская пресса обогатилась ежедневною газетою въ Кіевѣ, которой, однако, сразу же пришлось нести на себѣ тяжесть условій, созданныхъ „свободою печати“ на почвѣ манифеста 17 октября, съ одной стороны, и военнымъ поло-

женіемъ въ край—съ другой. Предположенная вначалѣ газета „Громадське Слово“ не могла быть осуществлена, такъ какъ въ представленной на разрѣшеніе мѣстныхъ властей программѣ усмотрѣно было посягательство на существующій государственный строй, выраженное въ стремленіи къ областной автономіи. Вмѣсто „Громадського Слова“ появилась „Громадська Думка“, первый номеръ которой былъ немедленно конфискованъ. Послѣ этого газета продолжаетъ выходить съ нѣкоторыми осложнениями, причѣмъ ощущеніе висящаго надъ нею дамоклова меча долго отражалось нѣкоторою вялостью и блѣдностью ея содержанія.

„Громадська Думка“, являясь органомъ кіевской группы украинской демократично-радикальной партіи, отстаиваетъ тѣ же принципы, которые вошли въ программу „Рідного Края“, и, пользуясь извѣстной популярностью въ деревнѣ, успѣшно выполняетъ свою общественную миссію, насколько это позволяютъ „независящія обстоятельства“. Въ обширномъ матеріалѣ, которымъ заполнена вышедшая сотня съ небольшимъ номеровъ „Громадської Думки“, — если не касаться статей и замѣтокъ общаго содержанія, — находимъ обстоятельную разработку съ украинской точки зрѣнія вопросовъ культуры. Газета энергично отстаиваетъ права украинскаго языка на первенство во всѣхъ сферахъ общественной жизни края, и прежде всего въ народной школѣ. Правительственная школа въ украинскихъ губерніяхъ должна быть основана на примѣненіи языка кореннаго мѣстнаго населенія, такъ какъ нынѣшняя школьная система равносильна созданію на деньги, собранныя съ украинскаго народа, учреждений, понижающихъ его культурный уровень, — облагать же народъ вторичными матеріальными жертвами для созданія параллельной сѣти рациональныхъ школъ—было бы для него несправедливымъ и непосильнымъ бременемъ (№ 90). Между тѣмъ, правительство, вмѣсто удовлетворенія жгучей потребности украинскаго народа въ просвѣщеніи на родномъ языкѣ, кладетъ свое veto на тѣ предположенія, съ которыми выступаютъ по этому вопросу мѣстные общественныя организаціи, — какъ это было съ полтавской городской думой, представившей въ министерство проектъ украинской школы имени Котляревскаго (№ 73). Необходимо, по мнѣнію газеты, поставить на ближайшую очередь и вопросъ объ украинскихъ кафедрахъ въ кіевскомъ, харьковскомъ и одесскомъ университетахъ (№ 99). Наконецъ, украинскій языкъ не долженъ встрѣчать больше препятствій при употребленіи его въ дѣлопроизводствѣ общественныхъ учреждений, а также долженъ пользоваться равными правами съ государственнымъ языкомъ въ судахъ, администраціи и законодательствѣ края (№№ 63

и 6). Въ вопросѣ о мѣстномъ самоуправленіи украинскій народъ также ожидаетъ равноправія съ другими національностями Россіи и главною задачею Государственной Думы, послѣ проведенія въ жизнь основныхъ свободъ, заключается въ охранѣ интересовъ областныхъ и національныхъ единицъ, для чего должна быть расширена территория земскаго самоуправленія, расширены его права и земскія учрежденія національныхъ территорій объединены областнымъ народнымъ представительствомъ (№№ 7 и 44); только областная автономія устранить систематическое подчиненіе интересовъ однихъ областей другимъ въ экономической политикѣ (№ 68). Въ сферѣ экономическихъ вопросовъ центральное мѣсто занимаетъ аграрный, разрѣшаемый „Гром. Думкою“ въ направленіи программы к.-д. партіи (№ 14).

Вслѣдъ за „Гром. Думкою“ возникъ рядъ новыхъ общественно-политическихъ газетъ въ разныхъ городахъ Украины: въ Одессѣ — „Вісти“, въ Екатеринославѣ — „Добра Порада“, въ Харьковѣ — „Слобожанщина“; появился сатирическій еженедѣльникъ въ Кіевѣ — „Шершень“ и иллюстрированный журналъ — „Зоря“ въ Москвѣ; наконецъ — сельско-хозяйственная газета „Світова зірниця“ въ Могилевѣ Подольской губ. Мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ всѣхъ этихъ изданій, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ уже прекратили свое существованіе или ограничились своимъ выходомъ первыми номерами. Отмѣтимъ лишь могилевскую газету въ виду ея своеобразнаго характера: рассчитанная на малосознательные и даже малограмотные слои крестьянства; „Світова зірниця“ принципиально отстраняетъ отъ себя вопросы релігіозные, политическіе и національные, ограничивая свою программу исключительно кругомъ хозяйственныхъ интересовъ земледѣльца.

Намъ остается отмѣтить ежемѣсячные органы украинской періодической прессы, которыхъ появилось пока два: въ Кіевѣ — „Нова Громада“ и въ Петербургѣ — „Вільна Україна“. Первый изъ нихъ, имѣя общую редакцію съ „Гром. Думкою“, выражаетъ взгляды того же теченія украинской интеллигенціи. Что касается „Вільної України“, то она является органомъ младшей генераціи украинцевъ, исходною точкою которой служитъ социаль-демократическая доктрина, а основною идеей — „интересы украинскаго пролетаріата“. Основныхъ статей собственно по украинскому вопросу въ первыхъ книжкахъ обоихъ журналовъ немного. Свои взгляды на національную проблему вообще оба журнала освѣщаютъ тѣмъ обоснованіемъ, которое дано по этому вопросу европейскими политическими мыслителями (статьи — Вебеля, Пернерсторфера и Жореса въ „Новой Громадѣ“ и Каутскаго — въ „В. Українѣ“). Постановкѣ національнаго вопроса въ партійной

программѣ посвящена статья г. М. Ч. въ 3-й книжкѣ „В. Украин'ы“— („Національні організації пролетаріату“), проводящая идею группировки рабочей партіи по національностямъ. Большого вниманія заслуживаетъ статья „Изъ политичного життя України“ въ той же книжкѣ, съ очеркомъ развитія украинской соціалъ-демократіи, дѣятельность которой дала весьма замѣтные результаты въ подъемѣ самосознанія народныхъ массъ украинскихъ губерній. По текущимъ вопросамъ политической жизни отмѣтимъ статью объ автономіи Украины—въ 1-й книжкѣ того же журнала,—съ выраженіемъ тѣхъ же взглядовъ на данный вопросъ, какіе были цитированы нами изъ другихъ органовъ украинской прессы.

Нашею задачею было дать общую характеристику главныхъ украинскихъ періодическихъ изданій и отмѣтить тѣ общественные и политическіе вопросы, по которымъ украинская интеллигенція уже успѣла высказать свои мнѣнія и пожеланія; на основаніи этого матеріала мы можемъ такъ резюмировать выраженіе общественнаго мнѣнія Украины: въ первой очереди—общее требованіе основныхъ политическихъ вольностей, осуществленія которой добивается вся Россія; коренная земельная реформа по принципу—„земля должна принадлежать трудящимся“; областная автономія Украины въ этнографическихъ границахъ, какъ единственный цѣлесообразный способъ удовлетворенія культурныхъ и экономическихъ нуждъ украинскаго народа.

П. С.

На пути освобождения.

Мощное дыхание свободы, стремительно пронесшееся изъ края въ край Россіи, нашло для себя на Украинѣ достаточно воздѣланную почву. Тяжесть всеподавляющаго режима чувствовалась здѣсь особенно интенсивно, такъ какъ мѣстныя условія усиливали общія неблагопріятныя его послѣдствія. Будучи поставлена въ завидныя физическія условія, приводившія даже къ полной иллюзіи, что здѣсь „все обильемъ дышетъ“, Украина на самомъ дѣлѣ постепенно все болѣе катилась по наклонной плоскости матеріальнаго и духовнаго упадка. Какъ край по преимуществу земледѣльческой, она экономической политикой послѣднихъ десятилѣтій, какъ бы нарочно направленной къ подрыву земледѣльческаго промысла, приведена до такой степени экономическаго истощенія, что огромныя массы населенія принуждены порвать связи съ родиной и очертя голову бросаться ко всякимъ фантастическимъ кисельнымъ берегамъ въ тщетныхъ поискахъ лучшихъ условій существованія. Полное игнорированіе національныхъ особенностей края приводило къ крайней культурной отсталости населеніе, и тѣмъ самымъ препятствовало ему развить самостоятельныя силы въ борьбѣ за существованіе. На почвѣ этихъ специфическихъ условій общія черты господствующаго режима—насиліе, гнетъ, безправіе, давали себя знать слишкомъ чувствительно и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще до все-россійскаго взрыва, вызвали крупныя аграрныя волненія въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. Дальновидная бюрократія, во главѣ съ Плеве, не признала и даже просто не поняла этого грознаго предостереженія, квалифицировала его какъ результатъ преступной пропаганды земскихъ статистиковъ и, чтобы пресѣчь зло въ корнѣ, статистиковъ разогнала, а „бунтовщиковъ“ примѣрно наказала.

Прошло нѣсколько лѣтъ. „Мудрая“ мѣра казалась дѣйствительною. Но грохотъ дальневосточной войны разбудилъ глухое, придавленное недовольство народныхъ массъ и сквозь брешь, пробитую японцами въ стѣнѣ бюрократическаго всевластія, полился неудержимый потокъ гнѣвнаго народнаго протеста. Развитие и усиленіе этого протеста шло

вездѣ одними и тѣми же, общими для всей Россіи, шаблонными путями. Въ періодъ дешеваго довѣрія министерства кн. Святополкъ-Мірскаго интеллигентные верхи-застрѣльщики разрѣшились обильнымъ дождемъ всякихъ резолюцій, петицій и тому подобныхъ невинныхъ выраженій обывательскихъ чаяній. Не обошлось и безъ специальныхъ украинскихъ депутацій, при чемъ всѣ онѣ неукоснительно обладали властью имѣющими и столь же неукоснительно снабжались благожелательнымъ совѣтомъ: „погодите, все придетъ въ свое время“. И сами участники депутацій въ концѣ-концовъ, понятно, плохо вѣрили въ успѣхъ своей миссіи, продѣлывая, что полагалось по требованіямъ времени, изъ чувства нѣкотораго патріотическаго долга, развѣ лишь съ самой смутной надеждой на случайное разрѣшеніе жгучихъ потребностей, неудовлетвореніе и даже задержка въ удовлетвореніи которыхъ, вызвала мучительные эксцессы въ народномъ организмѣ. Общее настроеніе поддерживало и питало такія надежды. Теперь воспоминаніе о томъ наивномъ времени, которому заплатилъ дань каждый изъ насъ въ большей или меньшей степени, вызываетъ одну лишь конфузливую улыбку; но тогда счастье казалось такъ возможно, такъ близко, вѣра въ силу общественнаго мнѣнія казалась такъ непоколебимой... Интеллигентная Украина въ общемъ увлечена была тѣмъ же настроеніемъ. Какъ много было говорено и написано не только въ крупныхъ культурныхъ центрахъ ея, но и казалось бы, въ такихъ глухихъ углахъ, гдѣ, повидимому, безнадежно царил вѣковая тишина! Но рядомъ съ такими платоническими выступленіями видимъ и практическую дѣятельную работу украинскихъ силъ къ достиженію поставленныхъ цѣлей другими, болѣе вѣрными, путями.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію освободительнаго движенія на Украинѣ; ограничусь лишь самыми общими фактами послѣдняго времени.

Центръ тяжести украинскаго политическаго движенія, сосредоточеннаго въ силу особыхъ обстоятельствъ въ австрійской Украинѣ, съ начала 90-хъ годовъ опять начинаетъ переноситься въ предѣлы Россіи. Отдѣльныя украинскія политическія направленія объединились на одной общей платформѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этого объединенія успѣшно произведена была организаціонная работа. Украина покрылась сѣтью мѣстныхъ автономныхъ отдѣловъ, органически связанныхъ съ центральнымъ органомъ. Этимъ положено было прочное основаніе движенію, послѣ чего началось расчлененіе его по отдѣльнымъ партійнымъ фракціямъ, различавшимся между собою, главнымъ образомъ, максимумомъ или минимумомъ программы и темпомъ ея достиженія—при общей демократической основѣ. Въ 1898 г. возникла социаль-

демократическая украинская партія, затѣмъ—революціонная украинская партія (т. н. Р. У. П.); партіи эти въ самое послѣднее время прошли нѣсколько новыхъ фазисовъ развитія, оставаясь въ общемъ на социаль-демократической почвѣ. Основное теченіе, объединившее прежде украинскія политическія направленія, нашло себѣ выраженіе въ особой украинской демократической партіи. Не такъ давно изъ этой послѣдней выдѣлилось новое теченіе—радикальна украинска партія, — отличающееся отъ прежняго, главнымъ образомъ, болѣе полною и опредѣленною экономическою программю. Теперь обѣ эти партіи, въ цѣляхъ утилизаціи украинскихъ силъ, особенно въ виду предвыборной кампаніи, опять слились на почвѣ программы, преимущественно радикальной партіи, образовавъ „Українську демократично-радикальну партію“. Въ ряду программъ другихъ прогрессивныхъ партій въ Россіи, главными особенностями программы этой послѣдней партіи являются національно-территориальная автономія Украины и въ экономическомъ отношеніи—областная націонализація земли.

Политическая дѣятельность украинскихъ партій, какъ все вообще украинское движеніе, встрѣчали очень серьезныя препятствія къ правильному своему развитію. Препятствія эти были и внѣшнія, и болѣе глубокія, внутреннія. Послѣднія заключаются въ томъ ложномъ положеніи, какое заняло украинство съ давняго времени въ общей перспективѣ всероссійскаго общественнаго и политическаго движенія. Сближеніе интересовъ великорусскаго и украинскаго образованнаго общества, въ теченіе двухъ-съ-половиною вѣковой совмѣстной ихъ жизни, привело въ конечномъ результатѣ къ поглощенію украинскихъ интересовъ великорусскими или, какъ ихъ называютъ, общерусскими, подобно тому, какъ ранѣе тѣ же украинскіе элементы растворялись въ польскому вліянію. Украинцы не оставались, конечно, пассивными зрителями совершающихся событій; они, напротивъ, принимали дѣятельное участіе какъ въ созданіи гибельнаго режима, такъ и въ тѣхъ теченіяхъ, которыя подмывали берега абсолютизма. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, за общими задачами часто забывались ближайшіе интересы родной народности. Большинство прогрессивныхъ силъ уходило на борьбу съ общимъ режимомъ, между тѣмъ, какъ требованія, вытекавшія изъ ясно созннанной національной идеи, выставлялись не такъ рѣшительно, и удовлетвореніе ихъ нерѣдко относилось самими украинцами на вторую очередь, послѣ удовлетворенія общихъ—общерусскихъ—потребностей. Такая политика привела къ тому, что наиболѣе жгучіе вопросы украинской программы оказались мало популярными среди широкихъ слоевъ общества, нерѣдко вызывая здѣсь то недоумѣніе, то скептически-пренебрежительное отношеніе, то просто

желаніе по установившемуся порядку отодвинуть ихъ на второй планъ. При такихъ общественно-неблагоприятныхъ условіяхъ приходилось и приходится работать украинскимъ партіямъ, расплачиваясь за старые грѣхи отцовъ. Этотъ отрицательный факторъ громаднаго практическаго значенія и нужно принять во вниманіе при учетѣ результатовъ, достигнутыхъ современнымъ украинскимъ движеніемъ.

Другимъ отрицательнымъ факторомъ на пути украинскаго движенія были разнообразныя вѣдшія репрессіи.

Исторія не много можетъ указать примѣровъ такого невѣроятнаго національнаго гнета, какой испытываетъ на себѣ Украина. Языкъ— это орудіе человѣческой мысли и развитія духовнаго и матеріальнаго— совершенно исключенъ изъ отношеній административныхъ, изъ суда, изъ школы и даже изъ наиболее интимной области человѣческаго духа — изъ религіознаго употребленія. Украинскіе дѣятели, не склонные коверкать народную душу рекомендуемыми правительствомъ руссификаторскими приѣмами, фактически обречены были на бездѣятельность.

„Они, — какъ сказано было недавно въ одной изъ записокъ, — „о нуждахъ украинской печати“, — видѣли, что народъ лишенъ единственно возможнаго для него средства просвѣщенія — школы и книги на родномъ языкѣ: они были свидѣтелями того безпощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе страны въ безпросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура, онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагоприятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты; у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди роднаго народа безправными изгнанниками, вѣчными свидѣтелями совершающагося“. Оскорбительныя для національнаго чувства и крайне вредныя практически, репрессіи эти по отношенію ко всѣмъ законнымъ проявленіямъ національнаго быта и прежде всего къ языку — значительно усложняли тѣ задачи, которыя были написаны на знамени украинскаго движенія. Къ общимъ задачамъ политическаго освобожденія присоединялись и частныя, специфическія задачи — напряженное стремленіе снять тѣ спеціальныя путы, какія наложены были на украинское слово во всѣхъ областяхъ его примѣненія. Идейное

значеніе, идейная перспектива тѣхъ и другихъ задачъ, конечно, не одинакова. Идейная цѣнность первыхъ задачъ должна, съ общей точки зрѣнія, перевѣшивать значеніе партікулярныхъ національныхъ интересовъ; вотъ почему, напр., многіе изъ тѣхъ, кто всѣми фибрами души стремился къ свободѣ слова,—однако же холодно и безразлично относился къ вопіющему факту полнаго воспрещенія украинскаго слова. Такое отношеніе къ данному факту, нерѣдко со стороны даже тѣхъ, кто называлъ себя „тоже малороссами“, являлось результатомъ исключительно абстрактной оцѣнки вопроса, когда только и возможенъ чисто теоретическій анализъ того, какія стороны въ полномъ своемъ составѣ вопіющаго явленія являются болѣе и менѣе важными. Для тѣхъ же украинцевъ, которые стояли не на абстрактно-теоретической точкѣ зрѣнія, родного, а на почвѣ практической дѣятельности и практическихъ нуждъ народа, то же явленіе естественно представлялось въ совершенно иномъ преломленіи. Я уже приводилъ выше выдержку изъ одной записки, характеризующую, какъ чувствовали себя эти элементы-изгнанники „на рідній, не свой землі“. Крайне ненормальное положеніе, въ какомъ они находились, нерѣдко наталкивало ихъ на выводы не менѣе односторонніе, хотя и діаметрально противоположные только-что указаннымъ. Глубокая привязанность къ своей національности, при совершенной невозможности отдаться дѣятельности на національной почвѣ, приводила многихъ къ національной узости и исключительности. Національныя требованія выставлялись нерѣдко въ слишкомъ самодовлѣющей формѣ, въ совершенномъ обособленіи отъ тѣхъ общихъ, конечныхъ цѣлей политико-общественнаго характера, какія необходимо имѣть въ виду въ результатъ національнаго развитія всякой народности. Исключительное требованіе правъ украинскаго языка выставлялось подчасъ, какъ максимумъ украинской національной программы, а это сводило подобнаго рода требованія къ односторонней, какъ ее называли,—этнографической платформѣ и не могло привлечь къ нимъ широкихъ общественныхъ симпатій. Такое общественное уединеніе украинскіхъ націоналистовъ фактически лишало ихъ всякаго вліянія на ходъ жизни, а сознаніе своего безсилія еще болѣе парализовало въ нихъ всякую активность и располагало къ бездѣятельному, фаталистическому ожиданію лучшаго будущаго. Внутренняя борьба между указанными направленіями создавала непріятныя тренія, которыми только ослаблялись положительные результаты дѣятельности тѣхъ украинцевъ, которые были этихъ крайностей и находили возможность и силы работать при самыхъ трудныхъ условіяхъ.

Съ ростомъ и углубленіемъ національнаго самосознанія и главнаго—съ развитіемъ внутренней организаціи сознательныхъ силъ, укра-

инское движение все болѣе и болѣе подходит съ позиціи маниловскихъ чайній маннъ небесной на реальную почву національной борьбы. Горькій опытъ, хотя и нѣсколько поздно, научилъ украинцевъ, что даромъ ничего не дается, что вниманіе и уваженіе къ извѣстнымъ требованіямъ достигается не благопріемъ и скромностью, а рѣшительнымъ и твердымъ, поддержаннымъ фактически стремленіемъ къ намѣченной цѣли, и что только тѣ пріобрѣтенія могутъ быть прочными, которыя достигнуты собственными силами. Скромныя выступленія единичныхъ силъ замѣняются широкой постановкой вопроса на платформахъ существовавшихъ ранѣе и вновь возникшихъ организацій и въ тѣсной связи съ тѣми культурными, экономическими и политическими потребностями, какія выдвигались этими организаціями. Такъ, національныя нужды украинскаго населенія выставляются земскими учрежденіями на Украинѣ, которыя и ранѣе не оставались безучастными къ этимъ нуждамъ, и городскими общественными управленіями. Учрежденія эти, въ отмежеванныхъ имъ предѣлахъ компетенціи, выдвигали главнымъ образомъ вопросъ о націонализаціи народнаго образованія, нерѣдко касаясь и другихъ ступеней образованія, а также правъ украинскаго языка во всѣхъ отрасляхъ практическаго его примѣненія. Въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, которые впервые, послѣ продолжительнаго застоя, всколыхнули гладь мѣстной жизни, національныя нужды украинскаго населенія выступаютъ въ широкомъ освѣщеніи, аргументируясь неустранимыми и неотложными потребностями культурнаго и экономическаго характера.

Національнымъ сознаниемъ все глубже и глубже проникаются и народныя массы. Практическая работа украинскихъ силъ по поднятію политическаго самосознанія массъ велась очень напряженно, не смотря на крайне неблагоприятныя условія. Если судить о фактическомъ вліяніи по размѣрамъ литературной продукціи и по успѣхамъ агитаціонной дѣятельности на выборахъ въ Думу, то наибольшіхъ успѣховъ достигла демократическо-радикальная и демократическая партія, сумѣвшая занять позиціи, наиболѣе близкія къ народной крестьянской массѣ. Результаты выборовъ краснорѣчиво показали, что гдѣ имѣла мѣсто дѣятельность украинскихъ партій, тамъ на выборахъ прошли элементы наиболѣе сознательные—и въ общемъ смыслѣ и въ отношеніи къ непосредственнымъ задачамъ украинства (губерніи Кіевская, Полтавская, Черниговская); наоборотъ, гдѣ дѣятельность этихъ партій развита была очень слабо, или вовсе даже отсутствовала, тамъ выборы носили несознательный, совершенно случайный характеръ (Подолія, Волинь). Въ конечномъ результатѣ выборы дали достаточно сознательныхъ украинскихъ элементовъ, осо-

бенно изъ народной среды, что должно обезпечить надлежащую постановку и защиту украинскаго вопроса въ парламентѣ, гдѣ именно и необходимо возможно широкое его освѣщеніе и правильное разрѣшеніе. Прочное основаніе этому уже положено. Делегаты Украины образовали особую парламентскую фракцію, которая вступила въ союзъ парламентскихъ національныхъ фракцій, основанный для взаимной защиты правъ отдѣльныхъ національностей.

Очень дѣятельнымъ и вліятельнымъ органомъ развитія національнаго самосознанія въ народной массѣ явился въ послѣднее время крестьянскій союзъ, въ организаци и руководительствѣ въ которомъ украинскія силы принимали очень дѣятельное участіе. Украинскія фракціи этого союза заявили себя оживленной дѣятельностью, хотя это и сопровождалось тяжелыми жертвами: явившіяся въ результатѣ такого оживленія правительственныя репрессіи вырвали изъ среды дѣятелей освобожденія много наиболѣе активныхъ и талантливыхъ силъ, дѣятельность которыхъ была именно теперь особенно необходима. Движеніе, вызванное крестьянскимъ союзомъ, имѣло большое значеніе въ смыслѣ развитія политическаго и національнаго самосознанія въ крестьянской средѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ масса крестьянскихъ приговоровъ, продиктованныхъ тѣми идеями, которыя положены въ основу задачъ союза. Къ положительнымъ результатамъ дѣятельности союза нужно также отнести дисциплинирующее вліяніе его на массы, благодаря которому значительно ослабленъ былъ грубо-насильственный, погромный характеръ стихійнаго крестьянскаго движенія. Не мало значенія для развитія украинскаго національнаго самосознанія имѣлъ и другой союзъ — союзъ учителей, сгруппировавшій наиболѣе близкіе къ народной средѣ и вліятельные здѣсь элементы. И центральный органъ союза, и мѣстныя учительскія организаци (напр., Полтавская, Екатеринославская) очень опредѣленно выставили на своемъ знамени требованіе націонализациі школы и вообще просвѣщенія. Тѣже задачи имѣются въ виду вновь возникающими народно-просвѣтительными обществами, напр., обществами „Просвіта“—въ Одессѣ и Каменцѣ-Подольскомъ. Украинское литературно-артистическое общество и украинскій клубъ въ Кіевѣ имѣютъ уже болѣе широкія литературныя и общественно-политическія задачи, осуществленіе которыхъ въ рамкахъ этихъ учрежденій стало увы!—невозможнымъ, въ виду репрессій военнаго положенія и должно избрать другіе органы для своего выраженія. вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усиливается и чисто литературная продуктивность украинства; каждый годъ въ послѣднее время, не смотря на всѣ цензурныя препятствія, даетъ литературнаго матеріала неизмѣримо больше,

тѣмъ прежде появлялось его въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. При совершенномъ воспрещеніи періодической литературы и книгъ не беллетристическаго содержанія выходитъ въ октябрѣ прошлаго года явочнымъ порядкомъ первая украинская газета „Хлиборбо“; тѣмъ же порядкомъ печатаются и книги, главнымъ образомъ въ заграничной Галиціи, откуда и доставляются въ предѣлы Россіи. Когда открылась возможность имѣть украинскую періодическую печать на легальномъ основаніи (по правиламъ 27 ноября 1905 г.), почти во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ культурныхъ центрахъ Украины появляются свои періодическіе органы. Какъ тотчасъ же показала суровая дѣйствительность, весна была обманчива и первые нѣжные цвѣты украинской прессы побиты были суровымъ морозомъ военныхъ, уцѣлленныхъ и другихъ положеній, большею частью въ первый же день своего существованія; но уцѣлѣвшіе пока органы украинской прессы продолжаютъ работать въ томъ же направленіи—освѣщая украинскія нужды и содѣйствуя развитію національнаго самосознанія въ широкихъ слояхъ.

Я не имѣлъ въ виду дать исчерпывающій очеркъ всѣхъ фактовъ, въ которыхъ выражается живая національная работа на Украинѣ. Но полагаю, что и приведенные факты, какъ бы ни было относительно положительное ихъ значеніе, все же въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о значительномъ ростѣ украинскаго движенія.

Почва уже вспахана, хотя и не вездѣ одинаково; самосознаніе широкихъ слоевъ націи всколыхнулось и уже заявляетъ себя; средства для дальнѣйшей борьбы созданы; лишь на такомъ реальномъ основаніи и можно строить прочные устои національнаго прогресса. На почвѣ реальной силы украинство вливается самостоятельной струей въ общее освободительное движеніе, уже не теряясь въ немъ, но твердо отетавивая и удерживая свои позиціи на пути къ свободѣ. Въ дни освобожденія голосъ въ защиту національныхъ правъ Украины громко звучалъ тамъ, гдѣ звучали и другіе голоса въ защиту свободы,—на съѣздахъ журналистовъ, земскихъ и городскихъ дѣятелей, на съѣздахъ крестьянскаго и учительскаго союзомъ, на съѣздѣ и въ парламентской фракціи автономистовъ. Голосъ этотъ и далѣе будетъ звучать тѣмъ громче и тверже, чѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть подъ собою реальной почвы—глубокаго убѣжденія и упорнаго, самоотверженнаго труда со стороны возможно болѣе широкихъ сознательныхъ круговъ украинскаго общества.

Spectator.

З а м ъ т к и.

Два памятника Шевченку.

Медленно, но безостановочно идет процесс раскрѣпощенія русской литературы. Все шире пробиваетъ себѣ дорогу въ цензурной плотинѣ потокъ свободнаго слова и уже сами охранители этой плотины отступаютъ передъ его напоромъ, снимая ржавыя цѣпи съ самыхъ старыхъ шлюзовъ. Въ послѣднее время произошло два крупныхъ событія этого рода—оба связанныя съ именемъ великаго украинца—Т. Г. Шевченка, родинѣ котораго открылась наконецъ возможность полнѣе оцѣнить и почитать своего любимаго сына. Великая Россія въ концѣ минувшаго года получила въ свое распоряженіе Герцена и Радищева, украинцы получаютъ полнаго Шевченка. Осенью минувшаго года Правленіе Петербургскаго Общества имени Т. Г. Шевченка представило въ цензурный комитетъ на разсмотрѣніе „Кобзарь“ въ послѣднемъ львовскомъ изданіи предполагая переиздать его въ пользу общества. Уже въ періодъ наступившей послѣ 17 Октября фактической свободы печати, цензурный комитетъ разрѣшилъ представленный экземпляръ „Кобзаря“ къ печати полностью, безъ малѣйшихъ сокращеній. Осуществленіе этого изданія взяло на себя „Благотворительное Общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“, которое и занято въ настоящее время печатаніемъ „Кобзаря“ *). Съ выходомъ этого изданія въ свѣтъ, русское общество, не имѣвшее до сихъ поръ свободнаго доступа къ произведеніямъ политической музы Шевченка, увидитъ цѣльный образъ поэта-борца, выразителя глубоко-демократическихъ идеаловъ украинскаго народа.

*) Подробности см. въ объявленіяхъ.

Кромѣ осуществленія этого нерукотворнаго памятника Шевченку изъ его произведеній, земляки и почитатели поэта получили право позаботиться о достойномъ его имени вещественномъ памятникѣ. На дняхъ газеты обошли извѣстіе, что всероссійская подписка на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ, наконецъ разрѣшена. Черезъ пять лѣтъ въ 1911 году исполнится пятидесятилѣтіе со дня смерти Шевченка—и вмѣстѣ будетъ праздноваться пятидесятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ. Будемъ надѣяться, что къ этому юбилею своей физической свободы, украинскій народъ, совместно со всею русскою землею, создастъ и закрѣпитъ формы своей духовной и политической свободы. И украинцы не исполнили бы своего долга, если-бы не обезпечили къ этому знаменательному году возможность воздвигнуть на кіевской университетской площади величественный памятникъ поэту народнаго горя, борцу за народную свободу, мученику народной неволи—Тарасу Шевченку.

П. С.

Слово Божіе подъ спудомъ.

На одной изъ наиболѣ черныхъ страницъ исторіи человѣческой культуры должно быть записано запрещеніе 25-милліонному украинскому населенію христіанскаго государства читать слово Божіе на родномъ языкѣ. Запрещеніе это, какъ бы то ни казалось невѣроятнымъ, не было плодомъ какого-либо недоразумѣнія; это былъ актъ именно послѣдовательнаго, обдуманнаго расчета, и потому то оны и ложится такимъ позорнымъ пятномъ на тѣхъ, кто примѣнялъ его съ такой холодной черствой послѣдовательностью.

Въ началѣ 60-хъ гг. инспекторъ нѣжинскаго лицея Морачевскій возбудилъ ходатайство предъ митрополитомъ петербургскимъ Исидоромъ о разрѣшеніи къ печати его перевода евангелія на украинскій языкъ. Глава русской церкви, видимо, усомнившись, полезна ли будетъ украинцамъ читать евангеліе на понятномъ языкѣ, передалъ все дѣло для разрѣшенія своихъ сомнѣній, на заключеніе вѣдомствъ. Единодушнаго соглашенія вѣдомствъ по данному вопросу не состоялось; министръ народнаго просвѣщенія Головинъ ставилъ даже на видъ духовному вѣдомству, что оно имѣетъ священную обязанность распространять Новый Завѣтъ между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ, и истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда мы могли бы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ,

хатѣ и юртѣ находится экземпляръ евангелія на языкѣ, понятномъ обывателямъ“; но св. Синоду болѣе пришлось по вкусу распоряженіе министра внутр. дѣлъ Валуева по цензурному вѣдомству, предписывавшее послѣднему не разрѣшать къ печати книгъ духовнаго содержанія и получившее для собора епископовъ русской церкви силу непререкаемаго авторитета. Распоряженіе это было воспроизведено въ указѣ св. Синода духовнымъ цензурнымъ комитетомъ 10 іюля 1863 г. въ результатѣ чего вопросъ о разрѣшеніи украинскаго перевода евангелія отпалъ самъ собою. Высшій органъ церковнаго управленія, всегда шедшій на буксирѣ у административной власти, остался и въ данномъ случаѣ вѣрнымъ испытанному пути, и не сворачивалъ съ него въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ. Рѣшимость духовной бюрократіи поколебалась уже послѣ того, какъ началась общая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей стараго режима. Приглашенный въ 1905 г. въ засѣданіе Комитета Министровъ, гдѣ обсуждался и вопросъ о свящ. писаніи на украинскомъ языкѣ, митрополитъ Петербургскій Антоній торжественно заявилъ, что церковь ничего не можетъ имѣть противъ изданія украинскаго перевода свящ. писанія, такъ какъ Христосъ заповѣдалъ учить „вся языки“. Признаніе очень драгоцѣнное, такъ какъ оно сдѣлано послѣ того, какъ заповѣдь Христова успѣла вылежаться подъ синодальной печатью въ теченіе болѣе 40 лѣтъ.

Печатаніе украинскаго перевода священнаго писанія рѣшено допускать съ благословенія св. Синода. Послѣ долгихъ послѣдующихъ перипетій сдѣланный Морачевскимъ переводъ евангелія теперь печатается св. Синодомъ. Полный же украинскій переводъ библіи, изданный Британскимъ Библейскимъ Обществомъ, такъ и не допущенъ въ предѣлы Россіи !до сихъ поръ, не смотря на всѣ законы и правила о свободѣ совѣсти, о свободѣ печати.

А. Лотоцкій.

О союзѣ автономистовъ.

На Съѣздѣ журналистовъ, бывшемъ въ Петербургѣ въ мартѣ, 1905 г., представители инородческой печати, обсудивъ общіе вопросы политическаго положенія отдѣльныхъ народностей, пришли къ заключенію о необходимости подготовить почву, для образованія союза народностей, стремящихся къ автономіи и федерализму; для осуществленія этого было образовано временное бюро, которому

было поручено организовать предварительный съездъ, съ цѣлью учрежденія такого союза.

Съездъ состоялся въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1905 г., въ немъ приняли участіе 115 членовъ; были представители одербейджанцевъ (закавказ. татаръ) армянъ, бѣлоруссовъ, грузинъ, евреевъ, киргизовъ, латышей, литовцевъ, поляковъ, татаръ, украинцевъ и эстовъ. Съезду былъ представленъ цѣлый рядъ докладовъ объ историческихъ судьбахъ народовъ, входящихъ въ составъ російской имперіи; было выяснено мертвящее вліяніе политической и административной централизаціи и обрусительной политики правительства на жизнь этихъ народовъ, было обращено особенное вниманіе на исторію національныхъ политическихъ движеній въ XIX в. и на современное положеніе политическихъ партій въ средѣ каждой народности; выясненъ былъ также вопросъ о теоретическихъ основаніяхъ національной и территоріальной автономіи, причемъ въ основу сужденій былъ положенъ принципъ единства и цѣлости російскаго государства, а также гарантіи правъ меньшинства, какъ въ цѣломъ государствѣ, такъ и въ автономныхъ областяхъ.

Въ выработанныхъ съездомъ резолюціяхъ былъ высказанъ цѣлый рядъ положеній, которыя должны были лечь въ основу дѣятельности союза. Съездомъ было признано, что освободительное движеніе, постепенно расчищающее почву для переустройства государства на демократическихъ началахъ, есть общее дѣло всѣхъ народовъ Россіи; что народы эти кровно заинтересованы въ томъ, чтобы грядущій строй обезпечилъ каждому изъ нихъ и всѣмъ вмѣстѣ свободу и полноту изъ духовнаго и матеріальнаго развитія. Съездъ призналъ также несостоятельность и недопустимость централизаціи всего законодательства и управленія въ государствѣ столь обширномъ, столь разнообразномъ и сложномъ въ экономическомъ, религіозномъ и національномъ отношеніяхъ, какъ Россія, и высказалъ, что въ децентрализаціи государственной власти и въ организаціи народовластія на началахъ федеративнаго строя заинтересованы всѣ народы Россіи.

Въ интересахъ народностей, не сосредоточенныхъ на одной опредѣленной территоріи, а также въ интересахъ національнаго меньшинства въ каждой изъ такихъ территорій, Съездъ нашелъ необходимымъ, чтобы общегосударственной конституціи были установлены такія нормы, которыя обезпечивали бы каждому меньшинству и всякой народности неприкосновенность ея національныхъ

правъ и интересовъ; одной изъ мѣръ для достиженія этой цѣли съѣздъ признать систему пропорціональнаго представительства, какъ въ общегосударственномъ парламентѣ, такъ и въ мѣстныхъ сеймахъ.

Дальнѣйшее направленіе и развитіе дѣятельности союза было поручено избранному съездомъ Комитету, который выработалъ программу дѣйствій, предположивъ образовать на мѣстахъ мѣстные отдѣленія и созвать, осенью текущаго года, всероссійскій съѣздъ союза. Доклады должны быть представлены не позже 1-го августа, послѣ чего организационное бюро съезда предполагаетъ созвать докладчиковъ, на собраніи которыхъ должно быть установлено время созыва съезда.

Съ открытіемъ Гос. Думы дѣятельность Комитета значительно оживилась; былъ устроенъ цѣлый рядъ засѣданій Комитета вмѣстѣ съ членами Гос. Думы, сочувствовавшими задачамъ и программѣ Союза. Были созваны общія собранія лицъ, вступившихъ въ союзъ; образовалась парламентская фракція автономистовъ; отдѣльныя національныя парламентскія группы избрали своихъ делегатовъ, которымъ поручено было выработать программу парламентской фракція Союза автономистовъ.— Въ цѣломъ рядѣ собраній делегатовъ, программа была подробно разсмотрѣна, и 11 мая проектъ ея былъ внесенъ въ общее собраніе парламентской фракція, которою программа утверждена въ такой редакція:

1) Парламентская фракція союза автономистовъ объединится или на областныхъ, или на территоріально-національныхъ началахъ для взаимной поддержки и защиты, а также для осуществленія автономной идеи на демократическихъ началахъ.

2) Парламентская фракція союза автономистовъ стоитъ на началѣ нераздѣльности Россійскаго государства, какъ единаго цѣлаго.

3) Парламентская фракція союза автономистовъ находитъ необходимымъ возможно полную децентрализацію государственнаго управленія. Децентрализація эта должна быть проведена на демократическихъ началахъ и на основѣ принципа широкой автономіи отдѣльныхъ областей, устанавливаемой основными законами Россійскаго государства.

4) Географическія границы и правовые предѣлы автономіи каждой отдѣльной областной или территоріально-національной

единицы должны опредѣлиться согласно желанію ея населенія поскольку они не противорѣчатъ основнымъ принципамъ союза, автономистовъ. Парламентская фракція союза автономистовъ всецѣло будетъ также поддерживать желанія областныхъ единицъ, не выходящихъ изъ предѣловъ принципа широкаго областного самоуправленія.

5) Основными законами Россійской имперіи, въ областяхъ со смѣшаннымъ народонаселеніемъ, должны быть обезпечены права меньшинства, не только гражданскія и культурныя, но и національныя, прежде всего въ смыслѣ употребленія родного мѣстнаго языка въ школахъ, въ судахъ, въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ.

6) Необходимо немедленно законодательнымъ порядкомъ обезпечить за всеми гражданами право на культурное и національное самоопредѣленіе, съ уничтоженіемъ всѣхъ привилегій и ограниченій, обусловленныхъ принадлежностью къ той или другой національности, тому или другому вѣроисповѣданію.

Въ составъ союза вступили уже національныя парламентскія группы—украинская, литовская, татарская, эстонская, латышская, представители Юго-Зап. и Сѣверо-Зап.-Края, Новороссіи; принимаютъ въ немъ участіе и представители казачьихъ областей (Донск. Уральской), и великороссы, сочувствующіе началамъ автономнаго устройства областей, имѣющихъ, независимо отъ національности ихъ населеній, своеобразныя экономическія бытовыя и др. условія, сторонники широкаго самоуправления отдѣльныхъ областей, вопли также делегаты отъ группы представителей Царства Польскаго.

Въ союзъ записалось уже болѣе 120 членовъ, и есть всѣ основанія думать, что съ выясненіемъ отдѣльныхъ теченій въ Думѣ и группировки ея членовъ, составъ парламентской фракціи автономистовъ значительно усилится. Въ Думѣ нѣтъ еще депутатовъ отъ Сибири и Кавказа, гдѣ сильно выражены автономныя стремленія.—Необходимо отмѣтить, что національныя группы, а также отдѣльные депутаты, вступившіе въ парламентскую фракцію, объединяются на защитѣ принциповъ автономіи и широкаго національнаго самоопредѣленія; парламентская группировка членовъ Союза представляетъ собою не партію, объединившуюся на широкой программѣ охватывающей всѣ политическія, экономическія и социальныя вопросы, а лишь „фракцію“, и многіе изъ

примкнувшихъ къ ней автономистовъ остаются членами партій, образовавшихся въ Думѣ, принадлежать къ той или иной изъ нихъ, наиболѣе подходящей къ ихъ взглядамъ на общіе политическіе, экономическіе и соціальные вопросы.

И. Шрагъ.

Украинскій парламентскій клубъ.

Широкій потокъ освободительнаго движенія разорвалъ путы, связывавшія политическую дѣятельность. Какъ ни далеки мы еще до дѣйствительной свободы въ этомъ отношеніи, все же политика перестала необходимо ассоціироваться съ понятіемъ „политическій преступникъ“, и движеніе, носившее исключительно подпольный характеръ, начинаетъ принимать открытыя формы парламентарной борьбы. Когда иллюзія политическаго безличія и безразличія, основанная на передернутой формулѣ— „на всіхъ языкахъ все молвить, бо благоденствує“,—должна была уступить мѣсто фактамъ жизненной дѣйствительности, настало время поставить на прочную почву и тѣ запросы, которые выдвигались украинскимъ движеніемъ за все предшествующее время. Основные элементы реальнаго осуществленія этой задачи видимъ въ дѣятельности украинскихъ партій, въ настойчивомъ освѣщеніи украинскихъ нуждъ въ прессѣ и вообще въ организованной работѣ общественныхъ силъ на Украинѣ. Элементы эти естественно должны были объединиться въ одномъ фокусѣ—въ украинской парламентской фракціи, основаніе которой явилось одной изъ наиболѣе насущныхъ потребностей украинскаго освободительнаго движенія. Съ прибытіемъ въ Петербургъ членовъ Государственной Думы выяснилось, что данныя для основанія украинской парламентской партіи имѣются вполне благоприятныя. Говоря о тѣхъ членахъ Думы, которые были проведены украинскими партіями, многіе члены Думы изъ партій народной свободы и изъ беспартійныхъ ясно сознавали неотложную необходимость удовлетворенія тѣхъ разнообразныхъ нуждъ, которыя создаются особенностями мѣстной жизни на Украинѣ и которыя находились до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи или забвеніи. Всѣ эти члены Думы, не выходя изъ общихъ рамокъ программъ тѣхъ партій, къ которымъ нѣкоторые изъ нихъ принадлежать, и рѣшили соединиться въ особую парламентскую украинскую фракцію для совмѣстнаго выясненія и защиты инте-

ресовъ Украины. Во фракцію эту вошли до сихъ поръ 44 члена Государственной Думы, и число это, несомнѣнно, еще возрастетъ съ дальнѣйшимъ опредѣленіемъ и распространеніемъ въ парламентскихъ кругахъ украинской парламентарной платформы. Для выясненія той національно-областной программы, на которой должны сойтись представители украинскихъ областей, независимо отъ различія своихъ общественно-политическихъ и классовыхъ стремленій, происходятъ совмѣстныя собранія парламентской труппы съ участіемъ представителей украинскихъ организацій въ Петербургѣ. На собраніяхъ этихъ происходятъ въ настоящее время оживленные дебаты по вопросамъ территоріально-національной автономіи и аграрной реформы въ украинскихъ областяхъ.

О. Белоусенно.

КУРСЫ

М. В. ПИРОЖКОВА,

преподавателя Спб. 10-й гимназіи,
РАЗРЪШЕННЫЕ Г. ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ СПБ. УЧЕБНАГО ОКРУГА.
(Спб., Вас. Остр., Большой пр., д. 6)

КУРСЫ

для приготовленія молодыхъ людей къ повѣрочнымъ вступительнымъ экзаменамъ въ институты:
**Инженеровъ Путей Сообщенія, Горный, Гражданскихъ
Инженеровъ и Технологическій.**

Курсы продолжаются съ 1 октября до конца вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія (до конца августа). Занятія ведутся по слѣдующимъ предметамъ: **математикѣ** (*Теоретической арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи*), **физикѣ, русскому языку, рисованію, французскому и нѣмецкому языкамъ.**

Курсы дѣлятся на три періода: 1) **зимній** (съ 1 октября до 23 декабря), 2) **весенній** (съ 1 февраля по 1 мая) и **лѣтній** (съ 15 іюня до конца августа) съ вполнѣ заканчиваемою подготовкою въ каждый изъ этихъ трехъ сроковъ.

Плата за подготовку въ продолженіе одного изъ поименованныхъ сроковъ **300 р.** по математикѣ и физикѣ и **400 р.** по всѣмъ предметамъ; за подготовку въ теченіе двухъ изъ этихъ сроковъ плата повышается на **200 р.** Паясіонъ **60 р.** въ мѣсяць.

Занятія ведутся ежедневно: *по утрамъ*, въ теченіи 3 часовъ, и *по вечерамъ*, въ теченіи 2 часовъ.

Зимній и весенній періоды рекомендуются тѣмъ, кто желаетъ подготовиться, не спѣша, или кто не можетъ справиться съ программами въ теченіи только лѣта по причинѣ недостаточности знаній, вынесенныхъ изъ средняго учебнаго заведенія; въ эти сроки вечернія занятія посвящаются математикѣ и физикѣ, а утренніе—остальнымъ предметамъ.

ПРОГРАММЫ:

По арифметикѣ.—Курсъ 8-го класса гимназій. Рѣшеніе теоретическихъ задачъ.

По алгебрѣ.—Курсъ гимназій. Дополненія: подробное разсмотрѣніе уравненій высшихъ степеней съ одною и нѣсколькими неизвѣстными, приводимыхъ къ квадратнымъ; подробная статья о комплексныхъ числахъ въ алгебраическомъ видѣ; двучленные уравненія вида: $x^2 \mp 1 = 0$, $x^3 \mp 1 = 0$, $x^4 \mp 1 = 0$, $x^5 \mp 1 = 0$, $x^6 \mp 1 = 0$, $x^8 \mp 1 = 0$, $x^9 \mp 1 = 0$, $x^{10} \mp 1 = 0$, $x^{12} \mp 1 = 0$; основныя теоремы о предѣлахъ; болѣе научная теорія непрерывныхъ дробей, особенно безконечныхъ периодическихъ; теорія несоизмѣримыхъ (ирраціональных чиселъ), куда входитъ, между прочимъ, доказательство существованія γ -ой степени изъ вещественнаго числа A , доказательство существованія логарифма для всякаго положительнаго числа при положительномъ основаніи, и пр. Рѣшеніе задачъ.

По геометріи.—Курсъ гимназій. Рѣшеніе задачъ какъ па вычисленіе, такъ и, въ особенности, на построеніе.

По тригонометріи.—Курсъ гимназій. Задачи на уравненія, приведенныя къ логарифмическому виду, и на рѣшеніе треугольниковъ.

По физикѣ.—Курсъ гимназій. Рѣшеніе задачъ по нижеслѣдующимъ отдѣламъ 1) начальныя свѣдѣнія изъ статики: сложеніе и разложеніе силъ, параллелограммъ силъ; 2) равноѣрно-перемѣнное движеніе; 3) связь между вѣсомъ, объемомъ и плотностью въ примѣненіи къ метрическимъ и русскимъ мѣрамъ; вліяніе температуры; 4) связь между объемомъ, давленіемъ и температурой данной массы газа; 5) законъ Архимеда; 6) калориметрической методъ смѣшенія; смѣшеніе сопровождающееся измѣненіемъ состоянія тѣлъ; скрытая теплота плавленія и кипѣнія; 7) законъ Ома; 8) законъ Джоуля и Ленца.

По русскому языку.—Писаніе сочиненій на темы, какія даются на конкурсныхъ экзаменахъ; предварительное разъясненіе темъ (планы сочиненій); разборъ сдѣланныхъ ошибокъ какъ стилистическихъ, такъ и грамматическихъ.

По рисованію.—Рисованіе съ натуры комбинацій простѣйшихъ геометрическихъ тѣлъ: призмъ, пирамидъ, цилиндровъ и конусовъ; рисованіе болѣе или менѣе сложныхъ орнаментовъ готовящихся въ Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ.

По французскому и нѣмецкому языкамъ.—Повтореніе главнѣйшихъ правилъ этимологій и синтаксиса, упражненіе въ переводахъ на русскій языкъ *à livre ouvert* и въ легкихъ разговорахъ.

Программы *Курсовъ* согласованы съ программами вступительныхъ конкурсныхъ экзаменовъ и занятія, по опыту прежнихъ лѣтъ, точно разсчитаны на каждый день.

М. В. Пирожковъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПЕРВОЕ ВЪ РОССІИ

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ

„КОБЗАРЯ“ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Цѣна 1 р. 50 к., а по подпискѣ 1 р. безъ пересылки.

Подписка принимается—для иногороднихъ въ Правленіи „Благотворительнаго Общества изданія общепользыхъ и дешевыхъ книгъ“ (С.-Петербургъ, адресъ почтамту извѣстенъ) и въ книжномъ магазинѣ журнала „Кіевская Старина“ -- (Кіевъ—Безаковская 14).

Отъ городскихъ подписчиковъ взносы принимаетъ д-ръ Е. С. Гребенюкъ (Казанская 39).

Подписка закрывается 1 Октября.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

въ С.-Петербургѣ у М. В. Пирожкова (Вас. остр., 2-я линия д. 13) и въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).
